

ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах

МОНОГРАФИЯ

МОСКВА • ИЗИСП

Коллектив авторов

**Новые направления
развития уголовного
законодательства в зарубежных
государствах: сравнительно-
правовое исследование**

«Контракт »

2019

УДК 343.21
ББК 67.408-32

Коллектив авторов

Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование / Коллектив авторов — «Контракт », 2019

ISBN 978-5-6041897-9-5

Представленная монография является комплексным исследованием, в котором систематизируются и обобщаются основные направления развития уголовного законодательства стран, относящихся к семьям континентального и общего права. Отмечаются тенденции к расширению составов преступлений, использованию принципа экстерриториальности при применении уголовных законов, вовлечению иных отраслей законодательства в решение вопросов уголовного права и формированию новых подходов в преодолении уголовно-правового конфликта. Рассматриваются формы взаимного влияния международного права и национальных уголовно-правовых систем, наиболее значимые для современного мира способы криминализации и декриминализации деяний. Выделяются альтернативные, квазиуголовные способы воздействия на физических и юридических лиц, применяемые как на досудебной стадии, так и на этапе исполнения наказания. Для юристов – ученых и практиков, представителей правозащитных организаций и правотворческих органов, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, интересующихся вопросами развития уголовного права.

УДК 343.21
ББК 67.408-32

ISBN 978-5-6041897-9-5

© Коллектив авторов, 2019

© Контракт , 2019

Содержание

Введение	9
Глава 1	11
§ 1. Государства, принадлежащие к семье общего права	12
§ 2. Государства, принадлежащие к континентальной правовой семье	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно- правовое исследование: монография

Ответственные редакторы **Н.А.
Голованова, С.П. Кубанцев**

Одобрено на секции публичного права Ученого совета Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Рецензенты:

Л.В. Иногамова-Хегай – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

А.А. Гравина – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, член Российской академии юридических наук;

В.Р. Авхадеев – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

© Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019

The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

NEW DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LEGISLATION IN FOREIGN COUNTRIES:

COMPARATIVE LAW RESEARCH

Monograph

Executive editors *N.A. Golovanova, S.P. Kubantsev*

Moscow

LAW FIRM KONTRAKT

2019

Approved at the Public Law Section of the Scientific Council of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

Reviewers:

L. V. Inogamova-Khegai – LL.D., Professor, Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

A. A. Gravina – Ph.D., Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation, Member of the Russian Academy of Legal Sciences;

V. R. Avkhadeev – Ph.D., Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of Russian Federation.

New Directions of the Development of Criminal Legislation in Foreign Countries: comparative law research: monograph / V.Yu. Artemov, I.S. Vlasov, N.A. Golovanova, etc; Executive editors N.A. Golovanova, S.P. Kubantsev; The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – M.: LAW FIRM KONTRAKT, 2019. – 424 p.

The present monograph is a comprehensive study, in which an attempt is made to systematize and summarize the main trends in the development of criminal legislation in a number of countries belonging to families of civil and common law. There is a tendency towards expansionism of criminal law, which is manifested not only in the expansion of corpora delicti, the use of the principle of extraterritoriality in the application of criminal laws, but also the involvement of other branches of law in addressing criminal law issues, the formation of new approaches to resolving criminal law conflict.

The research examines the issues of mutual influence of international law and national criminal law systems. Separately, the authors consider the most significant for the modern world directions of criminalization and decriminalization of offences. Alternative, quasi-criminal methods of influence on individuals and legal entities, which are used both at the pre-trial stage and at the stage of execution of punishment, are separately allocated.

For lawyers – scientists and practitioners, representatives of human rights organizations and law-making bodies, teachers, graduate students, undergraduates, students interested in the development of criminal law.

© The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2019

Коллектив авторов

Артемов В.Ю., канд. юрид. наук – Австралийский Союз;

Власов И.С., канд. юрид. наук, заслуженный юрист РФ, доцент – Федеративная Республика Германия;

Голованова Н.А., канд. юрид. наук, заслуженный юрист РФ – Великобритания, Канада (ответственный редактор);

Кубанцев С.П., канд. юрид. наук, доцент – Соединенные Штаты Америки, введение, заключение (ответственный редактор);

Лещенков Ф.А. – Федеративная Республика Германия;

Печегин Д.А., канд. юрид. наук – Федеративная Республика Германия;

Пилипенко А.Н., канд. юрид. наук, доцент – Французская Республика;

Сакаева О.И. – международные стандарты;

Сакович О.М., канд. юрид. наук – Чешская Республика;

Семыкина О.И., канд. юрид. наук – Азербайджан, Грузия, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Эстония;

Трефилов А.А., канд. юрид. наук – Швейцарская Конфедерация;

Трещетенкова Н.Ю. – Польская Республика;

Федоров А.В., заместитель Председателя Следственного комитета Российской Федерации, канд. юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ – государства бывшей Югославии.

AUTHORS

Artemov V.Yu., PhD – Commonwealth of Australia;

Vlasov I.S., PhD, Honored Lawyer of the Russian Federation, ass. professor – Federal Republic of Germany;

Golovanova N.A., PhD, Honored Lawyer of the Russian Federation – United Kingdom, Canada;

Kubantsev S.P., PhD, ass. professor – United States of America, Introduction, Conclusion;

Leschenkov F.A. – Federal Republic of Germany;

Pechegin D.A., PhD – Federal Republic of Germany;

Pillipenko A.N., PhD, ass. professor – French Republic;

Sakaeva O.I. – international standards;

Sakovich O.M., PhD – Czech Republic;

Semykina O.I., PhD – Azerbaijan, Georgia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, Estonia;

Trefilov A.A., PhD – Swiss Confederation;

Treschetenkova N.Yu. – Republic of Poland;

Fedorov A.V., Deputy Chairman of the Investigative Committee of Russia, PhD, prof., honored lawyer of the Russian Federation – states of the former Yugoslavia.

Введение

Целями и задачами уголовного законодательства всегда провозглашается защита общественных отношений от преступных посягательств путем их пресечения и предупреждения. Между тем динамика уголовного законодательства зависит от неустойчивых связей между общественными интересами и конкретной политической обусловленностью и выступает в качестве эффективного регулятора общественных отношений в переходные и кризисные периоды. От того, в чьих руках находится столь мощный инструмент, определяющий вектор развития целых государств, зачастую зависит и состояние общества, его инициативность или инертность.

Именно такая постановка вопроса предопределила содержание настоящего исследования, целями которого стали выявление тенденций развития уголовного законодательства в зарубежных государствах, определение нового пласта нормативного материала, формирующего не только правовую, но и социальную реальность существования того или иного общества. С учетом влияния международных стандартов на уголовное право и процесс, современных скоростей обмена информацией и транснационального характера преступности не только общество, объединенное в рамках государственных границ одной страны, но и все мировое сообщество участвуют в решении глобальной задачи – устранение уголовно-правового конфликта.

Для достижения поставленной цели было проведено исследование доктринальных подходов, законодательства и правоприменительной практики в области уголовного законодательства зарубежных стран, выявлены схожие направления развития и новые институты уголовного права, которые реализуются не только в рамках рассмотрения уголовного дела, но и вне его пределов.

Поставленные цели и задачи исследования определили структуру работы. В первую очередь внимание уделяется современному состоянию уголовного законодательства государств, принадлежащих к разным правовым системам, отдельным базовым институтам уголовного права. Далее проанализирована быстрая трансформация уголовного законодательства, происходящая под влиянием международных стандартов, в частности, вопросы противодействия эксплуатации детей (опасность которой признается в мире равной террористическим угрозам), коррупции и киберпреступлениям. Отмечается также обратное влияние, которое оказывают законодательные решения, успешно апробированные на национальном уровне, на развитие международных стандартов. В работе рассматривается развитие института уголовной ответственности юридических лиц, не свойственного на данном этапе уголовному законодательству России. Отдельная глава посвящена альтернативным мерам и способам воздействия на правонарушителей. Среди таких способов в условиях традиционных институтов появляются новые направления, например уголовно-правовая медиация, соглашение об отказе от уголовного преследования и соглашение об отложенном уголовном преследовании.

В качестве приоритетных для исследования в рамках Европейского Союза были определены Федеративная Республика Германия, Польская Республика, Чешская Республика, Швейцарская Конфедерация, государства, образовавшиеся на постюгославском пространстве. На примере указанных стран можно проследить подходы к реформированию уголовного законодательства в рамках западноевропейской правовой традиции, а также способы законодательной интеграции, использованные в Азербайджане, Грузии, Эстонии.

Схожие традиции формирования уголовного законодательства наблюдаются и в других государствах. Однако здесь прослеживается определенный отход от классического понимания источников уголовного права. Например, в Республике Казахстан к источникам уголовного законодательства отнесены нормативные постановления Конституционного Совета и Верхов-

ного Суда РК. В то же время страны семьи общего права все меньше учитывают судебный прецедент в качестве источника уголовного права, например, в США на федеральном уровне он вообще исключен из числа таковых. В монографии исследуется законодательство таких представителей семьи общего права, как Великобритания, Канада, Соединенные Штаты Америки и Австралийский Союз.

Монография подготовлена коллективом авторов, избравших в качестве основного направления своих исследований изучение законодательства зарубежных государств. Начиная с 2002 г. был подготовлен ряд монографических исследований и научно-практических пособий¹, направленных на изучение самостоятельных институтов в зарубежном уголовном законодательстве. Данная работа появилась не случайно, она представляет собой квинтэссенцию накопленного авторами опыта, отраженного в серии предшествующих работ, обобщенного и сконцентрированного на том, что нового происходит в современном уголовном законодательстве за пределами Российской Федерации.

Представленная монография может быть полезна для исполнительных, судебных и законодательных органов власти, профильных комитетов Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Исследуемые подходы к формированию и реализации уголовно-правовых норм в иностранных юрисдикциях могут привести новые решения данных вопросов в России.

Книга может быть рекомендована научным, педагогическим и практическим работникам в области уголовного права, криминологии, уголовного процесса, а также смежных отраслей права, успешно использоваться в научной деятельности, а также в учебном процессе по дисциплинам: уголовное право, криминология, уголовно-процессуальное право, уголовно-исполнительное право, международное уголовное право и др.

---

¹ См.: Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом / отв. ред. И.С. Власов. М., 2002; Власов И.С., Голованова Н.А., Кубанцев С.П. и др. Ответственность за нарушение избирательных прав граждан в законодательстве зарубежных стран. М., 2005; Власов И.С., Голованова Н.А., Меньших А.А. и др. Уголовное законодательство зарубежных государств в борьбе с коррупцией. М., 2009; Власов И.С., Голованова Н.А. и др. Домашнее насилие по законодательству зарубежных стран: ответственность и превенция: коллективная монография / отв. ред. Н.А. Голованова. М., 2011; Власов И.С., Голованова Н.А., Артемов В.Ю. и др. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ: монография. М., 2012; Власов И.С., Голованова Н.А., Артемов В.Ю. и др. Уголовное законодательство зарубежных государств в борьбе с экстремизмом: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. И.С. Власов. М., 2014; Власов И.С., Голованова Н.А., Меньших А.А. и др. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. И.С. Власов. М., 2014; Автономов А.С., Артемов В.Ю., Власов И.С. и др. Возмещение материального вреда потерпевшим: сравнительно-правовое исследование: научно-практическое пособие / отв. ред. С.П. Кубанцев. М., 2016; Ответственность за государственную измену и шпионаж: зарубежный опыт / под ред. Р.А. Курбанова, И.С. Власова. М., 2016; Артемов В.Ю., Власов И.С., Голованова Н.А. и др. Законодательство об ответственности за нарушение Правил дорожного движения в состоянии алкогольного и наркотического опьянения. Зарубежный опыт и его рецепция в российском законодательстве: научно-практическое пособие / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2016; Власов И.С., Власова Н.В., Голованова Н.А. и др. Ответственность за отмывание (легализацию) коррупционных доходов по законодательству зарубежных государств: научно-практическое пособие / отв. ред. А.Я. Капустин, А.М. Цирин. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2017; Артемов В.Ю., Власов И.С., Голованова Н.А. и др. Правовая защита потерпевших в зарубежных странах. М., 2017; Артемов В.Ю., Власов И.С., Голованова Н.А. и др. Борьба с коррупцией в правоохранительных органах за рубежом: монография / отв. ред. И.С. Власов, С.П. Кубанцев. М.: ИЗиСП; ИНФРА-М, 2018; Хабриева Т.Я., Автономов А.С., Артемов В.Ю. и др. Национальное и международно-правовое регулирование противодействия торговле людьми и рабству в их современных формах: монография / отв. ред. А.С. Автономов. М., 2019.

Глава 1

Уголовное законодательство в правовой реальности XXI века

Уголовное законодательство традиционно признается наиболее стабильной сферой регулирования общественных отношений. Вместе с тем за последние 10–15 лет в мировом пространстве наблюдаются обратные процессы, которые позволяют говорить о том, что динамика изменений уголовного законодательства нарастает и превращается в тенденцию. При этом изменение уголовного права происходит не только в результате реформирования старых или создания новых институтов, но и посредством адаптации уже известных другим отраслям правовых конструкций, например свойственных частному праву. И действительно, единый уголовный закон для стран дальнего зарубежья никогда не являлся единственным источником уголовного права. В некоторых странах, например в Великобритании, вообще нет единого уголовного закона, который бы аккумулировал в себе хотя бы основные направления уголовно-правовых запретов. Особенности, на которые указывается в данной работе, обусловили современный процесс избыточной криминализации деяний (в монографии он обозначен термином «экспансионизм» – Expansionism), зачастую связаны с интернационализацией уголовного права, основанной на соблюдении государствами международных конвенций.

§ 1. Государства, принадлежащие к семье общего права

Австралия. В основе австралийской правовой системы лежит английское общее право. При этом Австралия является федеративным государством, в котором штаты и территории (states and territories) принимают собственное уголовное законодательство, а пределы законодательного регулирования австралийской федерации (Commonwealth) определены в ст. 51 Конституции Австралии². В силу особенностей правовой системы Австралии как федеративного государства уголовная ответственность в этом государстве устанавливается как на уровне самой федерации, так и на уровне штатов и территорий и на обоих уровнях принимаются собственные уголовные законы и кодексы. Ответственность за большинство преступлений тем не менее устанавливается в уголовных кодексах (далее – УК), уголовных и иных законах штатов.

На федеральном уровне основным нормативным актом, устанавливающим уголовную ответственность, является Уголовный кодекс Австралии 1995 г.³ Уголовные кодексы, уголовные законы и отдельные специальные отраслевые законы, устанавливающие ответственность за преступления, приняты также и на уровне штатов.

Австралийские штаты принимают собственное уголовное законодательство. В частности, в штатах действуют такие уголовные законы и кодексы, как: Закон о консолидации уголовного права штата Новый Южный Уэльс 1935 г.⁴, Закон о компиляции Уголовного кодекса штата Западная Австралия 1913 г.⁵, Закон о преступлениях штата Виктория 1958 г.⁶, Уголовный кодекс 1899 г.⁷ и Закон о преступлениях и должностных проступках штата Квинсленд 2001 г.⁸ и др.

Для примера федерального регулирования уголовной ответственности можно взять криминализацию рабства и торговли людьми. Уголовная ответственность за рабство и сексуальную эксплуатацию была установлена федеральным Законом о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс (рабство и сексуальная эксплуатация) 1999 г.⁹

В 2013 г. был принят федеральный Закон о внесении изменений и дополнений в уголовное законодательство (рабство, состояния, сходные с рабством, и торговля людьми)¹⁰, который криминализировал подневольное состояние (servitude), принудительный труд (forced labour), насильственный брак (forced marriage), торговлю органами (organ trafficking) и долговую кабалу (debt bondage). Законодательство Австралии по борьбе с рабством является достаточно молодым, а нормы, устанавливающие ответственность за рабство и торговлю людьми, находятся в разд. (divisions) 270 и 271 гл. 8 (Преступления против человечности и связанные с ними преступления – Offences Against Humanity and Related Offences) федерального Уголовного кодекса 1995 г.

Противодействие коррупции и установление за нее уголовной ответственности относится в Австралии к совместному ведению федерации и штатов. Уголовные законы и кодексы, устанавливающие ответственность за коррупционные преступления, приняты как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Согласно Конституции Австралии федеральный парламент

---

² Commonwealth of Australia Constitution Act.

³ Criminal Code Act 1995.

⁴ Criminal Law Consolidation Act 1935.

⁵ Criminal Code Act Compilation Act 1913.

⁶ Crimes Act 1958.

⁷ Criminal Code Act 1899.

⁸ Crime and Misconduct Act 2001.

⁹ Criminal Code Amendment (Slavery and Sexual Servitude) Act 1999.

¹⁰ Crimes Legislation Amendment (Slavery, Slavery-like Conditions and People Trafficking) Act 2013.

не наделен правом принимать законы, касающиеся государственной службы, государственных служащих штатов и территорий. Это относится к их собственному ведению.

В деле борьбы с коррупцией одним из важных новых направлений является создание специальных органов, основной или существенной частью деятельности которых является борьба с ней. Например, законодательство штата Виктория об антикоррупционных органах является одним из самых молодых в Австралии. В 2011 г. в штате было принято два закона, которыми были учреждены два новых антикоррупционных органа¹¹: Законом о Независимой антикоррупционной комиссии 2011 г.¹² была создана одноименная комиссия, а Законом о Викторианском инспекторате 2011 г.¹³ был создан одноименный орган.

Еще одним важным новым направлением развития уголовного законодательства Австралии в сфере противодействия коррупции является имплементация в национальное законодательство норм Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок 1997 г. В порядке имплементации норм Конвенции в 1999 г. специальным законом в Уголовный кодекс было внесено пять новых статей (ст. 70.1–70.5) о подкупе иностранных должностных лиц. А в 2010 г. был принят федеральный Закон о внесении изменений и дополнений в ряд законов о тяжкой и организованной преступности¹⁴, который ужесточил санкции наряду с иными преступлениями и за подкуп иностранных должностных лиц¹⁵.

Если взять противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, то в Австралии для этой цели создан крупный общегосударственный орган – Австралийский центр по транзакционным отчетам и анализу (Australian Transaction Reports and Analysis Centre – AUSTRAC). Основные направления его работы определены в Законе о финансовой отчетности 1988 г.¹⁶ и Законе о борьбе с отмыванием денег и противодействии финансированию терроризма 2006 г.¹⁷

Таким образом, мы видим, что уголовное законодательство Австралии развивается и состоит из наследия английского общего права, австралийского федерального законодательства и законодательства штатов и территорий, в том числе законодательства, принимаемого в порядке имплементации норм международных конвенций, участником которых является Австралия.

Великобритания (Англия и Уэльс). В отличие от других европейских правовых систем за исключением, пожалуй, Ирландской Республики, английское уголовное право на современном этапе продолжает оставаться некодифицированным. Более того, внутри Соединенного Королевства отсутствует единый подход к формированию уголовного законодательства, слагающегося из соответствующих норм разных юрисдикций: Англии и Уэльса, Шотландии, Северной Ирландии, Джерси, Гернси и других очень малых юрисдикций, имеющих как определенное сходство, так и различия. Отсутствие же административной ответственности за правонарушения в континентальном правовом понимании привело к тому, что любое самое малозначительное деяние (преследуемое в иных странах как уголовный или административный проступок) считается преступлением.

---

¹¹ См.: Власов И.С., Голованова Н.А., Меньших А.А. и др. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом. С. 382.

¹² Independent Broad-based Anti-corruption Commission (IBAC) Act 2011.

¹³ Victorian Inspectorate Act 2011.

¹⁴ Crimes Legislation Amendment (Serious and Organized Crime) Act 2010.

¹⁵ См.: Хабриева Т.Я., Тиунов О.И., Кашепов В.П. и др. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций: монография / отв. ред. О.И. Тиунов. М.: ИЗиСП; ИД «Юриспруденция», 2012. С. 225.

¹⁶ Financial Transaction Reports Act 1988.

¹⁷ Anti-Money Laundering and Counter Terrorism Financing Act 2006. См. также: Власов И.С., Голованова Н.А., Меньших А.А. и др. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом. С. 386, 387.

Круг противоправных деяний настолько широк, что никто не может точно сказать, сколько же их реально существует, что обусловлено, помимо прочего, и отсутствием уголовного кодекса, в котором составы преступлений были бы упорядочены, и большим числом уголовно-правовых норм, включенных в отраслевые статуты, об уголовной ответственности физических и юридических лиц. По мнению одного из самых авторитетных специалистов в области уголовного права Ричарда Карда, ежегодно их количество возрастает¹⁸, поскольку основной массив преступлений создается не на уровне статутов (т. е. первичного законодательства – primary legislation), а подзаконными актами (вторичным законодательством – secondary legislation)¹⁹. Одновременно действуют изданные столетия назад законы, и самым старым из действующих статутов является Закон об измене 1351 г.²⁰

После того как кодификация уголовного права в очередной раз была отложена на неопределенный срок²¹, поскольку законодатель приостановил над ней работу²², на передний план была выдвинута программа упрощения уголовного права, приспособления его к современным условиям, устранения неопределенности, отказа от устарелых формулировок. Проверке с точки зрения их целесообразности и сохранения в дальнейшем методично подвергаются нормы общего права и статуты (полностью или в части), касающиеся уголовного права, и даже его отдельные институты.

Несмотря на то что часть важных вопросов Общей части уголовного права²³ уже получила статутное закрепление²⁴, большинство из них, как и ранее, регулируется прецедентами. Дефиниции же конкретных преступлений сегодня чаще встречаются в статутах, чем в общем праве. По общему праву преследуются примерно двадцать преступлений, включая тяжкое и простое убийство (Murder, Manslaughter), наказания за которые предусмотрены Законом о преступлениях против личности 1861 г.²⁵ и другими актами. В отношении тяжкого убийства может быть назначено обязательное пожизненное тюремное заключение, а в отношении простого убийства – тюремное заключение на меньший срок, штраф или даже тюремное заключение с назначением условного срока отбывания наказания. Тем не менее продолжают существовать и такие преступления по общему праву, как «паблик ньюнс»²⁶ (Public nuisance), сговор с целью мошенничества (Conspiracy to defraud) и ненадлежащее исполнение обязанностей на государственной службе (Misconduct in Public Office), наказания за которые законом не предусмотрены. Следует отметить также, что с 1972 г. суды лишены права устанавливать уголовную

---

¹⁸ См.: Card R., Molloy J. Criminal Law / Card, Cross & Jones Criminal Law; Twenty-second Edition. Oxford University Press, 2016. P. 20–22.

¹⁹ См. подробнее: Голованова Н.А. К вопросу о классификации источников современного английского уголовного права // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 96–106.

²⁰ Treason Act 1351; Подробнее об ответственности за измену по английскому праву см.: Ответственность за государственную измену и шпионаж: зарубежный опыт / под ред. Р.А. Курбанова, И.С. Власова. С. 29–53.

²¹ См.: The Law Commission (LAW COM № 311). Tenth Programme of Law Reform // URL: http://lawcommission.justice.gov.uk/docs/lc311_10th_Programme.pdf.

²² См.: Simplification of the Criminal Law // URL: <http://lawcommission.justice.gov.uk/areas/codification-of-the-general-principles-of-the-criminal-law.htm>; http://lawcommission.justice.gov.uk/docs/cp193_Simplification_Public_Nuisance_Consultation.pdf; http://lawcommission.justice.gov.uk/docs/cp200_kidnapping_consultation.pdf.

²³ Используемые в настоящей статье названия «Общая часть» и «Особенная часть» носят условный характер, поскольку английскому праву такая терминология не известна.

²⁴ Criminal Law Act 1967; Criminal Law Act 1977; Criminal Attempts Act 1981; Crime (Sentences) Act 1997; Crime and Disorder Act 1998 (законы об уголовном праве; Закон об уголовно наказуемом покушении, Закон о преступлениях (наказаниях); Закон о преступлениях и беспорядках).

²⁵ Offences Against the Person Act 1861.

²⁶ Публичная злобредность – мисдиминор общего права, предусматривающий уголовную ответственность за действия, причиняющие неудобство окружающим, создающие помехи в пользовании общественными дорогами и т. п.

ответственность за новые преступные действия или расширять уже существующие составы преступлений, что было подтверждено решением Палаты лордов по делу Нуллера²⁷.

Наиболее известными статутами в уголовно-правовой сфере являются Закон о преступлениях против личности 1861 г.; Закон о краже 1968 г.; Закон об уголовно наказуемом причинении вреда 1971 г.²⁸ Как правило, в Англии и Уэльсе нечасто принимаются специальные законы, целиком посвященные уголовной проблематике. Тем не менее в последние годы (с начала 2000-х) были изданы специальные уголовные законы комплексного характера, содержащие не только материальные, но и процессуальные предписания. Это – Закон о доходах от преступлений 2002 г., Закон о половых преступлениях 2003 г., Закон об обмане 2006 г., Закон об уголовной ответственности корпорации за простое убийство и о простом корпоративном убийстве 2007 г. (далее – Закон о корпоративном убийстве), Закон о взяточничестве 2010 г., Закон о современном рабстве 2015 г., Закон о психоактивных веществах 2016 г.²⁹ и др.

Такая законодательная техника используется не только при разработке уголовных актов, фактически нет ни одного статута, который содержал бы только материальные или процессуальные нормы, независимо от названия акт содержит те и другие положения. Законы об уголовной юстиции, издаваемые периодически, также содержат нормы, устанавливающие или усиливающие уголовную ответственность за отдельные деяния.

Например, Закон об уголовной юстиции и судах 2015 г.³⁰ ввел специальный состав (ст. 26), предусматривавший уголовную ответственность сотрудника полиции и некоторых других лиц, осуществляющих полномочия констебля, за коррупцию или иное ненадлежащее исполнение их обязанностей, дополнив нормы общего права о неправомерном поведении на государственной должности. Действие Закона распространяется на сотрудников полиции 43 территориальных сил Англии и Уэльса, Британской транспортной полиции, военной полиции и Гражданской ядерной полиции, а также сотрудников Национального агентства по борьбе с преступностью. Одновременно этим же Законом усилена ответственность за убийство полицейского или сотрудника тюремной службы при исполнении служебных обязанностей. Ранее минимальным сроком наказания за такое преступление являлось тюремное заключение на срок 30 лет. Признавая уникальную и опасную работу, которой ежедневно занимаются сотрудники полиции и тюрем, законодатель в качестве минимального наказания установил пожизненное тюремное заключение.

Помимо статуты к источникам английского уголовного права относится делегированное законодательство, преимущество которого, по мнению английских юристов, состоит в том, что оно дает возможность быстро принимать и изменять в том числе и положения статуты. Регуляторы каждый год создают нормы о субстатутных или регуляторных преступлениях (*regulatory offences*), поскольку на основании Закона об органах государственного управления 2011 г.³¹ они наделены правом привлечения к уголовной ответственности физических и юридических лиц за нарушения, допущенные в регулируемой сфере (ст. 22).

Обращает на себя внимание изданный в 2018 г. Закон о санкциях и борьбе с отмыванием денег³², который наделяет соответствующих регуляторов (в области торговли, мореходства, авиационного транспорта, миграции) правом издания подзаконных актов о введении финансовых санкций. Положения, определяющие цели таких санкций, сформулированы весьма расплывчато – например, финансовые санкции могут вводиться в интересах национальной без-

---

²⁷ См.: *Kneller (Publishing, Printing and Promotions) Ltd v DPP* [1973] AC 435, [1972] 2 All ER 898, HL.

²⁸ Theft Act 1968; Criminal Damage Act 1971.

²⁹ Proceeds of Crime Act 2002; Sexual Offences Act 2003; Fraud Act 2006; Corporate Manslaughter and Corporate Homicide Act 2007; Bribery Act 2010; Modern Slavery Act 2015; Psychoactive Substances Act 2016.

³⁰ Criminal Justice and Courts Act 2015.

³¹ Public Bodies Act 2011.

³² Sanctions and Anti-Money Laundering Act 2018.

опасности Соединенного Королевства, международного мира и безопасности, для содействия разрешению вооруженных конфликтов или защите гражданских лиц в зонах конфликтов, для обеспечения подотчетности или в качестве сдерживающего фактора в случаях грубых нарушений прав человека. Они также могут быть введены в целях содействия международному соблюдению прав человека, международному гуманитарному праву, содействия многосторонним усилиям по предотвращению распространения и использования оружия и материалов массового уничтожения или содействия уважению демократии, верховенства права и надлежащего управления. Однако наказания за нарушения изданных на основании данного Закона регуляторами актов весьма жесткие: тюремное заключение на срок до 12 месяцев (Англия, Уэльс, Шотландия) и до шести месяцев (Северная Ирландия) при суммарном осуждении и тюремное заключение на срок до 10 лет при рассмотрении дела с обвинительным актом.

Применение вторичного законодательства для установления уголовной ответственности привело к такому резкому росту криминализации через вторичное законодательство, что в Комиссии по реформе права был рассмотрен вопрос о введении, как в европейских странах, административной ответственности с рассмотрением дел в специальном административном трибунале, но это предложение не получило поддержки³³.

До последнего времени на территории Великобритании в силу Закона о Европейских сообществах 1972 г. признавалось в качестве права законодательство Европейского Союза в основном по экономическим вопросам, связанным с добросовестной конкуренцией, таможенной, транспортом, иммиграцией и проч. Однако принятый в 2018 г. Закон о выходе из Европейского Союза³⁴ предусматривает отмену Закона 1972 г., действие которого прекратится в день выхода Соединенного Королевства из ЕС. Ранее европейские директивы и решения в области уголовного права, оказывали значительное влияние на развитие английского уголовного права, так как многие субстатутные преступления возникали в связи с имплементацией европейских предписаний³⁵.

Наказания. Ни общее право, ни статуты не содержат дефиниции наказания, общие же принципы и цели наказания были сформулированы в Законе об уголовной юстиции 2003 г. (действует с дополнениями, внесенными в 2008 и 2012 гг.³⁶). В первую очередь на современном этапе государство отдает приоритет наказанию как справедливому воздаянию преступнику, снижению и сдерживанию преступности (в том числе путем устрашения), защите общества от вреда, причиняемого преступлением, как средству защиты общества, исправлению и реабилитации преступника и, наконец, возмещению преступником вреда, причиненного потерпевшему.

Отсутствие УК или какого-либо единого законодательного акта, определяющего систему наказаний, восполняется, однако, значительным числом законов о полномочиях уголовных судов по назначению наказаний, которые могут применяться за совершение преступлений³⁷.

Важным обстоятельством представляется то, что при принятии решения о назначении наказания судьи руководствуются рекомендациями не только Апелляционного суда, но и *Совета по приговорам Англии и Уэльса* (The Sentencing Council for England and Wales) – неза-

---

³³ См.: Macrory R. New approaches to regulatory sanctions // URL: <http://www.ukela.org/content/page/2247/ELM-20-5-Macrory-final.pdf>; Criminal Liability in Regulatory Contexts. The Law Commission Consultation Paper No. 195 http://lawcommission.justice.gov.uk/docs/cp195_Criminal_Liability_consultation.pdf.

³⁴ European Union (Withdrawal) Act 2018.

³⁵ Например, Положение о безопасности пиротехнических предметов 2015 г. (The Pyrotechnic Articles (Safety) Regulations 2015, No. 1553).

³⁶ Criminal Justice and Immigration Act 2008, Legal Aid, Sentencing and Punishment of Offenders Act 2012.

³⁷ A New Sentencing Code for England and Wales Transition – Final Report and Recommendations // URL: http://www.lawcom.gov.uk/app/uploads/2016/05/lc365_Sentencing_Law_in_England_and_Wales.pdf.

висимого органа, учрежденного в апреле 2010 г. Законом о коронерах и юстиции 2009 г.³⁸ Цель создания такого органа состояла в обеспечении согласованной и последовательной политики назначения наказаний, облегчении деятельности судебных органов, в усилении прозрачности судебной процедуры, а также в повышении доверия общества к системе уголовного правосудия. Совет по приговорам разрабатывает предназначенные для судов методики с руководящими принципами назначения наказаний, цель которых состоит в обеспечении согласованности в вынесении приговоров по всей стране. В некоторых случаях статут может также предусмотреть изучение Советом определенной области права и подготовку соответствующее руководства³⁹. Методики определяют примерные границы санкций, а также подлежащие учету дополнительные факторы, которыми должны руководствоваться суды применительно к различным видам преступлений в тех случаях, когда обвиняемый признал свою вину⁴⁰.

Что касается английской системы наказаний, то она никогда не предусматривала их градации на основные и дополнительные, поэтому, особенно когда речь идет о менее опасных преступлениях, наказания носят альтернативный характер и могут либо заменять, либо дополнять друг друга. В случае уклонения осужденного от отбывания одного менее строгого наказания оно может быть заменено другим, более строгим.

Анализ английского законодательства последних лет позволяет выявить тенденцию ограничения использования тюремного заключения как вида наказания только случаями совершения наиболее серьезных преступлений (хотя применительно к опасным преступникам в законе предусмотрена возможность назначения продленных сроков тюремного заключения и ограничительный подход к условно-досрочному освобождению). Определяя наказание за конкретные составы преступлений, законодатель в статутах, как правило, устанавливает верхний предел наказания для наиболее серьезных случаев.

В последние 30 лет законодательство, регулирующее назначение наказаний, постоянно изменялось и дополнялось. Так, поправки были внесены в 14 статутов в 1991, 1993, 1997, 1998, 2000, 2002, 2003, 2005, 2007, 2008, 2009, 2012, 2014, 2015 и 2018 гг.⁴¹ При этом частота, с которой вносились изменения, сложность законов и способы внесения поправок стали создавать проблемы даже для опытных судей и практиков, что приводило к ошибкам судов при назначении наказаний.

Начиная с 2015 г. Комиссия по реформе права занималась разработкой законопроекта о кодификации и упрощении процедуры назначения наказаний (New Sentencing Code for England and Wales⁴²), цель которого состоит в повышении эффективности, ясности и прозрачности этого процесса. В рамках проведенных исследований Комиссия изучила законы, содержащие нормы о наказаниях, действующие по состоянию на август 2015 г. Подготовленный в результате документ (объемом более 1300 страниц) содержал извлечения из различных законов, в том числе даже таких, как Закон о мировых судьях мира 1361 г., Закон о дисквалификации директоров компаний 1986 г. и Закон об опасных собаках 1991 г.⁴³ Однако даже этот длинный компиляционный документ не отражает истинной сложности и недоступности действующего

---

³⁸ Coroners and Justice Act 2009.

³⁹ How Guidelines are Developed, Sentencing Council // URL: <http://sentencingcouncil.judiciary.gov.uk/guidelines/how-guidelines-developed.htm>.

⁴⁰ Лебедев В.М., Хабриева Т.Я., Автономов А.С. и др. Правосудие в современном мире: монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2018. С. 200.

⁴¹ Criminal Justice Act 1991, Criminal Justice Act 1993, Crime (Sentences) Act 1997; Crime and Disorder Act 1998; Powers of Criminal Courts (Sentencing) Act 2000; Proceeds of Crime Act 2002; Criminal Justice Act 2003; Serious Organised Crime and Police Act 2005; Serious Crime Act 2007, Criminal Justice and Immigration Act 2008; Coroners and Justice Act 2009; Legal Aid, Sentencing and Punishment of Offenders Act 2012; Offender Rehabilitation Act 2014; Criminal Justice and Courts Act 2015 and Assaults on Emergency Workers (Offences) Act 2018.

⁴² URL: <https://www.lawcom.gov.uk/project/sentencing-code>.

⁴³ Peace Act 1361, Company Directors Disqualification Act 1986, Dangerous Dogs Act 1991.

законодательства. Это связано с тем, что в нем содержится указание только на действующий закон, имеющий отношение к назначению наказаний.

В случаях, когда речь идет о более старых правонарушениях, которые совершались ранее, следует ссылаться на исторические режимы вынесения приговоров в момент совершения преступления в дополнение к действующему законодательству. Это историческое законодательство часто является сложным и носит технический характер, его трудно отследить. Окончательный текст законопроекта был опубликован 22 ноября 2018 г.⁴⁴ Этот законопроект консолидирует действующее законодательство, регулирующее процедуры вынесения приговора, объединяет положения Закона о полномочиях уголовных судов (назначение наказания) 2000 г., частично Закона об уголовной юстиции 2003 г. и др. Предполагается, что Кодекс должен будет заменить сотни отдельных положений, разбросанных по десяткам статуты.

Финансовые санкции. Важным представляется широкое применение в отношении правонарушителей на современном этапе английскими судами мер финансового характера, к числу которых относятся реституция, компенсация и конфискация, которые в систему уголовных наказаний не входят⁴⁵. Вопросы конфискации в уголовном и в гражданском порядке были регламентированы Законом о доходах от преступной деятельности 2002 г.⁴⁶, согласно которому конфискации подлежат доходы от любой преступной деятельности, сумма которых превышает 10 тыс. фунтов стерлингов (включая подарки, сделанные другим лицам).

Закон о серьезной преступности 2015 г.⁴⁷ значительно ужесточил положения о конфискации Закона 2002 г. Одним из нововведений стало уменьшение в два раза срока выплаты конфискуемой суммы (максимум – 6 месяцев вместо 12 месяцев) и увеличение сроков тюремного заключения за неисполнение приказа о конфискации. Если ранее по Закону о полномочиях уголовных судов (назначение наказания) 2000 г. за неуплату суммы в размере до 1 млн фунтов стерлингов нарушителю полагалось отбыть 5 лет тюремного заключения, то с принятием поправок этот срок увеличился до 7 лет тюремного заключения, если же сумма превышает 1 млн фунтов стерлингов – до 14 лет тюремного заключения (ранее максимум составлял 10 лет). Если невыплаченная сумма превышает 10 млн фунтов стерлингов, то согласно новым предписаниям осужденный лишается права на досрочное освобождение после отбытия половины срока тюремного заключения⁴⁸.

В Великобритании (как и во многих других странах) происходит определенное смещение акцента с применения конфискации в связи с уголовным преследованием на так называемую конфискацию *in rem*, т. е. конфискацию, которая может быть произведена отдельно от уголовного судопроизводства либо параллельно с ним⁴⁹. При этом институт гражданской конфискации в свою очередь в последнее время также начал претерпевать определенные изменения в сторону ужесточения и расширения круга лиц, имущество которых находится под угрозой конфискации.

---

⁴⁴ The Sentencing Code Volume 1: Report Presented to Parliament pursuant to section 3(2) of the Law Commissions Act 1965. Ordered by the House of Commons to be printed on 22 November 2018 // URL: <https://s3-eu-west-2.amazonaws.com/lawcom-prod-storage-11.jsxou24uy7q/uploads/2018/11/Sentencing-Code-report-Web-version-1.pdf>

⁴⁵ О применении реституции и компенсации подробнее см.: Автономов А.С., Артемов В.Ю., Власов И.С. и др. Указ. соч. С. 183–214.

⁴⁶ Proceeds of Crime Act 2002.

⁴⁷ Serious Crime Act 2015.

⁴⁸ См.: Голованова Н.А. Конфискация как реакция на корыстное преступление // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 78–86.

⁴⁹ О конфискации *in rem* в Великобритании см. подробнее: Лафитский В.И. и др. Перспективы применения механизмов замораживания, ареста и конфискации преступных активов, механизмов управления конфискованными активами / отв. ред. В.И. Лафитский. М.: ИЗиСП; МУМЦФМ, 2015. С. 134–440; Голованова Н.А. Конфискация vs Коррупции (зарубежный опыт) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3. С. 497.

На это указывают и изменения, внесенные в 2017 г., предоставившие новые возможности и полномочия правоохранительным органам для последующей конфискации доходов от преступлений, а также борьбы с отмыванием денег, коррупцией и финансированием терроризма. Так, Закон о преступных финансах 2017 г.⁵⁰ наделил Высокий суд Лондона (Her Majesty's High Court of Justice in England) полномочием на основании заявлений компетентных органов⁵¹ издавать так называемый приказ о необъяснимом богатстве (Unexplained wealth order). Этот приказ требует от лица (физического или юридического) дать объяснения о происхождения активов, сумма которых превышает 50 тыс. фунтов стерлингов, если существуют разумные основания полагать, что эти доходы имеют связь с преступной деятельностью, включая уклонение от уплаты налогов.

Введение нового института, ранее известного австралийскому законодательству, позволяет замораживать активы таких лиц с целью последующей гражданской конфискации. Сообщение ложных сведений об имуществе или введение суда в заблуждение относительно происхождения активов является самостоятельным преступлением, которое по обвинительному акту наказывается тюремным заключением на срок до двух лет и (или) штрафом; в суммарном порядке виновный наказывается тюремным заключением на срок до 12 месяцев и (или) штрафом.

Канада. Уголовное законодательство Канады, входящей в семью общего права, сформировалось под большим влиянием английского уголовного права, и до сих пор во всех провинциях на территориях Канады уголовное преследование ведется от имени британской короны (Queen in Right of Canada – Королевы Канады по праву). Лицо (физическое и юридическое⁵²) может быть привлечено к уголовной ответственности за любые преступления, включенные в Уголовный кодекс Канады или любой другой закон (федеральный, провинциальный или муниципальный), содержащий соответствующие санкции.

Согласно ст. 91 (п. 27) Конституционного закона 1867 г.⁵³ (первоначально Закон о Британской Северной Америке) издание актов уголовно-правового характера (criminal law) отнесено к исключительной компетенции федерации, т. е. закреплено за парламентом Канады. Это дает формальный повод для утверждений, часто встречающихся у канадских и российских исследователей, что, по крайней мере, 20 тыс. провинциальных правонарушений (Provincial Offences) и все муниципальные правонарушения (Municipal Offences) не относятся к сфере уголовного права, поскольку в техническом смысле не являются «преступлениями». Однако тот факт, что к лицам, признанным виновными в совершении почти всех этих преступлений, может быть применено наказание в виде тюремного заключения, скорее характеризует их как уголовные деяния, чем это могло бы показаться на первый взгляд.

Как представляется, данная коллизия вызвана тем, что согласно ст. 92 (п. 14) Конституционного закона канадские провинции наделены правом отправления правосудия, «включая создание, поддержание и организацию провинциальных судов гражданской и уголовной юрисдикции, а также включая применение процедур гражданского характера в тех и других судах». При чем п. 15 этой же статьи наделил провинции правом применения разных наказаний, в том числе штрафа и тюремного заключения за нарушение законов провинций, изданных по вопросам, отнесенным к их компетенции. Такая законодательная конструкция поз-

---

⁵⁰ Criminal Finances Act 2017.

⁵¹ Правом обращения в Высокий суд Лондона наделены Национальное агентство по борьбе с преступностью, Служба Ее Величества по налогам и таможен, директор Службы по борьбе с серьезным мошенничеством, Королевская прокурорская служба и др.

⁵² Об уголовной ответственности юридических лиц в Канаде см.: Голованова Н.А., Лафитский В.И., Цирина М.А. Уголовная ответственность юридических лиц в международном и национальном праве (сравнительно-правовое исследование) / отв. ред. В.И. Лафитский. М., 2013.

⁵³ Constitution Act 1867 (British North America Act 1867).

волила провинциям применять как федеральный уголовный кодекс, так и провинциальные законы, содержащие санкции в виде штрафа и тюремного заключения. Другими словами, хотя большая часть запрещенных деяний может не считаться «действительно преступным поведением»⁵⁴ (truly criminal conduct) в обычном смысле, санкции, применяемые для борьбы с ними, признаются «уголовными» или «квазиуголовными» наказаниями.

Особенность *федерального Уголовного кодекса Канады 1892 г.* (действует в ред. 1985 г. с последующими изменениями⁵⁵) состоит в том, что этот Кодекс не только определяет типы преступного поведения и устанавливает за них наказания, но и включает процедурные положения. В основу канадского УК положен один из проектов кодификации английского уголовного права, которая в самом Соединенном Королевстве до сих пор не осуществлена. Этот Кодекс неоднократно подвергался консолидации (1906, 1927 и 1953 гг.) в целях уточнения и исключения внутренних несоответствий. Консолидация 1953 г. исключила возможность осуждения на основании общего права, сохранив, однако, те элементы английского права, которые касаются традиционных обстоятельств, исключающих уголовную ответственность по общему праву (common law defences), исключающих вину (excuse) и противоправность (justifications).

Провозглашение Канадской хартии прав и свобод 1982 г. (Canadian Charter of Rights and Freedoms)⁵⁶, в которой были закреплены такие права граждан в сфере уголовного права и процесса, как презумпция невиновности, запрет подвергаться жестоким и необычным наказаниям, право на охрану от необоснованных обысков и арестов, право на законное судебное разбирательство, привело к изданию новой редакции УК.

Уголовный кодекс действует на всей территории Канады, за исключением Юкона, Северо-Западных территорий и Нунавута, где он применяется с учетом местного законодательства аборигенов⁵⁷. Возраст наступления уголовной ответственности – 12 лет⁵⁸ (ст. 13), однако в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте до 18 лет, как указывалось выше, применяются иные меры.

УК Канады не имеет традиционного для континентальных кодексов деления на Общую и Особенную части и на момент написания данной работы состоял из 28 частей и 847 статей. Оставшиеся части Кодекса содержат положения, касающиеся отдельных процедур и правил назначения наказаний. Таким образом, примерно 40 % текста УК занимают положения об уголовном судопроизводстве, а оставшиеся 60 % – определения уголовно-правовых правонарушений, кодификация некоторых средств судебной защиты, которые предоставляются при уголовных обвинениях, и, наконец, предписания, касающиеся назначения наказаний судьями.

С точки зрения законодательной техники УК Канады выглядит достаточно сложным и запутанным. УК предваряется специальным разделом (Interpretation), посвященным толкованию применяемых в нем понятий. Термины, разъясняемые в этом разделе, размещены в алфа-

---

⁵⁴ Criminal Law and Procedure. Cases and Materials / Eleventh Edition. Toronto. 2015. P. 415–424.

⁵⁵ Criminal Code (R.S.C., 1985. C. C-46).

⁵⁶ Constitution Act 1982.

⁵⁷ В Канаде также реализуются специальные общинные исправительные программы для аборигенов, направленные как на общую профилактику преступности, так и на предупреждение домашнего насилия, алкоголизма, половых посягательств / Комитет по ликвидации расовой дискриминации. Доклады, представленные государствами-участниками в соответствии со статьей 9 Конвенции. Девятнадцатый и двадцатый периодические доклады государств-участников, подлежащие представлению в 2009 г. Канада // URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/cerd/docs/CERD.C.CAN.19-20_ru.pdf.

⁵⁸ По общему праву ребенок в Канаде мог нести ответственность за преступные действия начиная с семилетнего возраста. В 1983 г. минимальный возраст для наступления уголовной ответственности был увеличен до 12 лет, поскольку считалось, что до окончания начальной школы дети младшего возраста не могут понять сути процедуры молодежного суда. Возраст 12 лет примерно соответствует началу подросткового возраста, этапу развития и социального созревания между детством и взрослой жизнью. Вопрос о снижении и повышении возраста уголовной ответственности периодически обсуждается в канадской юридической литературе. См.: Lees, Charlotte. The age of criminal responsibility, which direction?: a comparative study of the United Kingdom and Canada // URL: http://digitool.library.mcgill.ca/R/?func=dbin-jump-full&object_id=33054&local_base=GEN01-MCG02.

витном порядке, в ряде случаев с отсылками к конкретным статьям Кодекса и вне зависимости от того, о чем идет речь – о материальных или процессуальных вопросах.

Кроме того, отдельные части УК и даже его отдельные статьи часто сопровождаются толкованием используемых терминов. Например, в ч. II.1 («Терроризм») ст. 83.01 дает разъяснения понятий «террористическая деятельность» (terrorist activity) и «террористическая группа» (terrorist group); в ч. III («Огнестрельное и иное оружие») ст. 84 не только дает определения разных видов оружия, но и разъясняет иные связанные с ним понятия, необходимые для исключения разночтений.

Помимо обязательных положений о толковании понятий, конкретные части УК иногда дополняются процессуальными положениями и наоборот – процессуальные нормы могут включать нормы об ответственности за их нарушение.

Например, ч. II.1 («Терроризм») предусматривает, что в целях дальнейшей компенсации жертвам террористической деятельности и финансирования антитеррористических инициатив суд вправе наложить арест на имущество или применить в гражданском порядке конфискацию активов, используемых для финансирования терроризма (ст. 83.13, 83.14). В этой же части размещены нормы о порядке рассмотрения дел о терроризме, наказаниях, полномочиях следственных органов и судов.

Часть XII.2 («Доходы от преступлений») также максимально подробно регламентирует порядок рассмотрения дел об отмывании преступных доходов, полномочиях соответствующих должностных лиц, замораживания, ареста и гражданской конфискации имущества.

Обращает на себя внимание также использование в тексте Уголовного кодекса в качестве разъяснений дополнительных рубрик – маргинальных примечаний (marginal notes), которые согласно Закону об интерпретации 1985 г.⁵⁹ официально не являются частью закона. Чаще всего они вносятся одновременно с законодательной поправкой к соответствующей статье, чтобы лучше отразить намерения законодателя.

Как известно, Уголовный кодекс Канады в его современном виде включает только малую часть уголовных норм, поскольку, как и в других государствах, использующих общее право, львиная доля составов преступлений создается регуляторами, независимо от того, на каком уровне принят акт – федеральном, провинции или местном. Как и в Великобритании, к регуляторным преступлениям в Канаде относятся различные преступные деяния, предусмотренные отраслевыми актами (в том числе и субстатутными, подзаконными), связанные, например, с превышением скорости на транспорте, загрязнением окружающей среды, с нарушением правил занятия бизнесом – отсутствие лицензии, нарушение правил бухгалтерского учета, нарушение правил торговли, использованием водящей в заблуждение торговой рекламы или несоблюдение правил охраны труда и безопасности на производстве и прочие. Наказанием за регуляторное преступление обычно является штраф, но к физическим лицам возможно применение тюремного заключения. Если преступление совершается корпорацией, в виде наказания применяется штраф или probation. Канадские специалисты отмечают, что целью введения регуляторных преступлений (особенно когда речь идет о юридических лицах) в первую очередь является превенция, т. е. сдерживание рискованных действий и их предупреждение, а не реальное наказание неправильного и причиняющего вред поведения⁶⁰.

Наиболее значимыми актами федерального уровня являются: Закон о доказательствах 1893 г.⁶¹; Закон о продовольствии и лекарствах 1920 г.⁶²; Закон о нарушении федеральных

---

⁵⁹ Interpretation Act (R.S.C., 1985, c. I-21). URL: <http://tips.slaw.ca/2017/research/what-are-marginal-notes>.

⁶⁰ Criminal Law and Procedure. Cases and Materials. P. 4.

⁶¹ Canada Evidence Act (R.S.C., 1985. C. C-5).

⁶² Food and Drugs Act 1920.

законов 1992 г.⁶³; Закон об огнестрельном оружии 1995 г.⁶⁴; Закон о контролируемых лекарственных средствах и веществах 1996 г.⁶⁵; Закон об уголовной юстиции молодежи 2002 г.⁶⁶; Закон о борьбе с преступным насилием 2008 г.⁶⁷; Закон о защите жертв от сексуальных преступников 2010 г.⁶⁸; Закон о неприменении помилования в отношении тяжких преступлений 2010 г.⁶⁹; Закон о безопасных улицах и общинах 2012 г.⁷⁰; Закон о борьбе с иностранной коррупцией 2013 г.⁷¹; Закон о защите канадцев от онлайн-преступности 2014 г.⁷²; Закон об ужесточении наказаний за половые преступления против детей 2015 г.⁷³; Закон о запрете дискриминации по генетическому признаку 2017 г.⁷⁴ и ряд других законов.

Что касается провинциальных регуляторных законов, то большинство из них содержат квазиуголовные санкции. Например, нарушение положений Закона провинции Манитоба об обращении с животными 1996 г.⁷⁵, регламентирующего различные вопросы, касающиеся содержания и ухода за животными, лечения и др., предусматривает за первое преступление наказание в виде штрафа в размере до 10 тыс. канадских долл. или (и) тюремное заключение на срок до шести месяцев, а за последующее преступление – штраф в размере до 20 тыс. канадских долл. или (и) тюремное заключение на срок до 12 месяцев. В качестве дополнительного наказания суд может установить для такого лица запрет на владение, распоряжение или контролирование животных на определенный срок, в том числе пожизненно.

Более строгие санкции содержит Закон провинции Манитоба о деловой практике 1990 г.⁷⁶ Преступлением является нарушение установленных настоящим Законом правил, а также отказ предоставить информацию; предоставление ложной или вводящей в заблуждение информации лицу, действующему на основании Закона. Физическое лицо в случае первого преступления наказывается штрафом в размере до 100 тыс. канадских долл. или (и) тюремным заключением на срок до 12 месяцев; в случае второго или последующего правонарушения – штрафом в размере до 300 тыс. канадских долл. или (и) тюремным заключением на срок до 36 месяцев. Корпорация в случае первого преступления наказывается штрафом в размере до 300 тыс. канадских долл. и штрафом в размере до 1 млн канадских долл. в случае второго или последующего правонарушения. Кроме того, одновременно назначающий наказание судья может издать приказ о выплате пострадавшему потребителю компенсации за понесенные потери или причиненный ущерб в такой сумме, которую он сочтет подходящей в конкретном случае.

Помимо отраслевого провинциального законодательства нормы общего характера относительно уголовных наказаний, которые суды могут назначать за провинциальные преступления, содержатся в провинциальных и муниципальных актах (a municipal by-law – акты местных органов власти). Единообразие в этой области в провинциях не существует. Так, согласно

---

⁶³ Contraventions Act 1992.

⁶⁴ Firearms Act 1995.

⁶⁵ Controlled Drugs and Substances Act 1996.

⁶⁶ Youth Criminal Justice Act 2002.

⁶⁷ Tackling Violent Criminal Act 2008.

⁶⁸ Protecting Victims from Sex Offenders Act 2010.

⁶⁹ Eliminating Pardons for Serious Crimes Act 2010.

⁷⁰ Safe Streets and Communities Act 2012.

⁷¹ Fighting Foreign Corruption Act 2013.

⁷² Protecting Canadians from Online Crime Act 2014.

⁷³ Tougher Penalties for Child Predators Act S.C. 2015. C. 23.

⁷⁴ Genetic Non-Discrimination Act 2017 (S.C. 2017. C. 3).

⁷⁵ The Animal Care Act 1996 C.C.S.M. C. A84.

⁷⁶ The Business Practices Act S.M. 1990-91. C. 6.

Закону провинции Манитоба о суммарных преступлениях 1985 г.⁷⁷ любое лицо, не соблюдающее или нарушающее установленные предписания (за исключением правил парковки, нарушение которых наказывается в административном порядке⁷⁸), виновно в совершении преступления и наказывается в суммарном порядке штрафом в размере до 5 тыс. канадских долл. и (или) тюремным заключением на срок до трех месяцев, если законом не предусмотрено иное наказание (ст. 4).

В провинции Альберта Закон о процедуре рассмотрения провинциальных преступлений 2000 г.⁷⁹ предусматривает, что любое лицо, нарушившее законодательство провинции, наказывается штрафом в размере до 2 тыс. канадских долл. и (или) тюремным заключением на срок до 6 месяцев (ст. 7).

В Онтарио Закон о провинциальных преступлениях 1990 г.⁸⁰ в качестве общего наказания (если иное не предусмотрено соответствующим законом) предусматривает штраф в размере до 5 тыс. канадских долл. (ст. 61). В случае неуплаты штрафа в течение пятнадцати дней он может быть заменен тюремным заключением на три дня плюс один день, если сумма, которая не была выплачена, не превышает 50 канадских долл. Если же размер штрафа превышал эту сумму, количество дней тюремного заключения складывается из одного дня плюс количество дней, полученных в результате деления невыплаченной суммы на 50. При этом срок тюремного заключения не должен превышать девяносто дней или половину максимального количества дней тюремного заключения, предусмотренного законом, за нарушение которого был назначенный невыплаченный штраф.

Соединенные Штаты Америки. Своеобразный и долгий путь развития прошло уголовное законодательство США. Оно формировалось на протяжении более чем 400 лет, при этом основываясь на еще более древнем фундаменте – школе английского уголовного права. Данная сфера законодательного регулирования в США никогда не была единообразной и не является таковой по сей день, так как фактически в каждой из правовых систем, существующих на территории США⁸¹, наблюдаются определенные различия в подходах как к определению преступного деяния, так и к наказанию за таковое.

Сам подход к реформированию уголовных законов в Америке всегда носил хаотичный характер. В отличие от других отраслей права, которые развивались более или менее постоянно, всплески законодательных инициатив, инициируемые резонансными преступлениями, накопившимися проблемами криминального характера (организованная преступность, коррупция и беловоротничковая преступность и т. д.) или существенными изменениями в жизненном укладе (переход к промышленному производству, постиндустриальная эпоха, компьютерная эра и т. п.), сменялись периодами затишья законодателя, поэтому на сегодняшний день можно говорить о том, что в США по сравнению с другими отраслями уголовное право является одним из наименее развитых и наиболее запутанных.

Конечно, не раз предпринимались попытки распутать этот клубок из огромной массы законов, а также схожих и противоречивых решений судов по вопросам применения уголовного закона, но все они сводились лишь к систематизации существующих норм уголовного права. Например, по Уголовному кодексу Калифорнии предусматривалась ответственность за

---

⁷⁷ The Summary Convictions Act. SM 1985-86. C. 4.

⁷⁸ The Municipal By-law Enforcement Act 2013 C.C.S.M. C. M245.

⁷⁹ The Provincial Offences Procedure Act, RSA 2000. C. P-34.

⁸⁰ The Provincial Offences Act R.S.O. 1990. CHAPTER P. 33.

⁸¹ Количество правовых систем зависит от количества штатов, по мере их присоединения число таких систем увеличивалось. На сегодняшний день можно констатировать 53 правовые системы на территории США – федеральная, округа Колумбия, каждого из 50 штатов и свободно присоединившегося государства Пуэрто-Рико.

«плевание», а в УК Нью-Йорка – за причинение вреда в результате нарушения правил печного отопления железнодорожных вагонов⁸².

До конца XVIII в. вообще не признавалось право федерации вмешиваться в уголовную политику отдельных штатов. Но в дальнейшем с принятием первого федерального Закона о преступлениях 1790 г.⁸³ ситуация изменилась и федеральное уголовное законодательство стало на путь развития и расширения перечня преступлений федерального уровня. На сегодняшний день федерация наряду со штатами располагает довольно солидным уголовно-правовым арсеналом. При этом широта и неопределенность соответствующих положений Конституции США, а главным образом судебная и законодательная практика дали основание некоторым американским юристам утверждать, что сейчас «никто не сомневается относительно права Конгресса предусматривать наказание за все посягательства против Соединенных Штатов, независимо от того, где они совершаются: в пределах какого-либо штата или на территории, в отношении которой Конгресс осуществляет полную и исключительную юрисдикцию»⁸⁴.

Однако первой масштабной реформой стала предпринятая в 1909 г. попытка кодификации уголовного законодательства федерального уровня⁸⁵. Здесь вводилась некая систематизация преступлений, был существенно расширен круг преступных посягательств за счет добавления преступлений против почтовой службы, международных, совершенных на территории разных штатов и др. Данный подход был признан удачным, и в 1948 г. приведенный закон был включен в Свод законов США (далее – СЗ США) в качестве разд. 18 «Преступления и уголовный процесс». В нем систематизируются уголовно наказуемые деяния в алфавитном порядке. При этом немалое число норм уголовно-правового характера содержится и в других разделах СЗ США. Да и в целом после Второй мировой войны американское уголовное законодательство претерпело фундаментальные изменения, которые затронули и само определение уголовно наказуемого деяния, и правовые последствия, связанные с совершением преступления, и процессуальные аспекты, а также вопросы отбывания наказания и воздействия на осужденных.

Дальнейшие попытки реформирования уголовного законодательства привели к разработке Примерного (Модельного) уголовного кодекса 1962 г.⁸⁶ По сути, Примерный уголовный кодекс стал приглашением к правовой реформе, в результате чего процесс реформирования уголовного законодательства получил новый импульс к развитию и стимулировал пересмотр уголовного законодательства штатов. Это было крайне важно, учитывая тот хаос, который царил в уголовно-правой сфере на территории США⁸⁷.

На тот момент почти в каждом штате действовал свой уголовный кодекс. Однако кодексом или систематизированным нормативным правовым актом это вряд ли можно было назвать. Уголовный закон штата состоял из более или менее собранных воедино законов разного времени, положений и судебных решений, в соответствии с которыми устанавливалась уголовная ответственность. На направленность изначальных законов влияние оказывали разные правовые школы, которые в тот или иной отрезок времени занимали доминирующее положение в замыслах законодателя и правоприменителей. Немаловажное значение имела и политическая

---

⁸² Козочкин И.Д. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования. СПб., 2007. С. 7, 8.

⁸³ CRIMES ACT of 1790 (1st Federal criminal law) // URL: http://www.statutesandstories.com/blog_html/crimes-act-of-1790-1st-federal-criminal-law.

⁸⁴ Уголовное право буржуазных стран: общая часть / под ред. А.Н. Игнатова, И.Д. Козочкина. М., 1990. С. 46, со ссылкой на: Bassiouni M.C. The sources and limits of criminal law in the United States // *Revue internationale de droit penal*. 1975. No. 3 et 4. P. 309, 310.

⁸⁵ Act of March 4, 1909, ch. 321, 35 Stat. 1088 (preamble to chapter).

⁸⁶ См.: Примерный уголовный кодекс (США). Официальный проект Института американского права: пер. с англ. / под ред. Б.С. Никифорова (предисл.); пер. А.С. Никифорова. М., 1969.

⁸⁷ См.: Козочкин И.Д. Указ. соч. С. 10.

обстановка. Значительно сказывалось и то, что многие законы принимались в период доиндустриального общества, что предопределяло их отставание от развития и потребностей общества. При этом уголовные кодексы разных штатов отличались друг от друга по структуре, кругу уголовно наказуемых деяний, по категоризации преступлений и регулированию подходов к назначению наказания, а санкции за сопоставимые преступления могли существенно отличаться как в большую, так и в меньшую сторону.

В том числе и по этим причинам Институт американского права, после более 10 лет работы специальной и весьма представительной комиссии, в 1962 г. опубликовал окончательный 13-й вариант Примерного УК, который и лег в основу практически всех УК штатов. Хотя необходимо отметить, что в уголовное законодательство штатов нормы Примерного УК реципировались с разной степенью интенсивности.

Таким образом, начиная с середины XX в. развитие уголовного законодательства США шло по пути унификации и даже кодификации. Основным направлением развития при этом является борьба с преступностью, в первую очередь – организованной. Это проявляется на всех уровнях, часто в радикальных реформах институтов уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Можно даже говорить о том, что если в первой половине XX в. реформирование уголовного законодательства США шло под лозунгом «*nulla poena sine lege*» (нет наказания без указания на то в законе), то во второй его половине принцип законодательного регулирования уступает стремлению к наиболее эффективной борьбе с преступлениями, когда на первое место выдвигается принцип «*nullum crimen sine poena*» (нет преступления без наказания).

Вместе с тем становилось все очевиднее несовершенство систематизированных законодательных актов в условиях англосаксонской правовой системы, их неспособность быстро и адекватно реагировать на изменяющиеся социальные условия, что привело к большому количеству прецедентных решений Верховного суда США и принятию новых или поправок в уже действующие уголовно-правовые нормы. В качестве результатов такой деятельности можно отметить резкое расширение действия уголовного закона в пространстве и по кругу лиц, а также усиление уголовной репрессии.

Например, в 1972 г. Верховный Суд США в окончательном решении по делу *Furman v. Georgia*⁸⁸ предпринял попытку признать смертную казнь противоречащей VIII поправке к Конституции США о недопущении жестоких и необычных наказаний. И хотя судьи разошлись в мотивации своего решения (смертная казнь недопустима как таковая; недостаточно защиты против судебной ошибки), тем не менее на несколько лет в США был фактически объявлен мораторий на применение смертной казни. Это привело и к изменению уголовного законодательства штатов по направлению к отмене смертной казни. Однако уже в 1976 г. в деле *Gregg v. Georgia*⁸⁹, где, по сути, рассматривались сразу пять случаев применения смертной казни при идентичных обстоятельствах, по которым подсудимые просили ввести окончательный запрет на применение смертной казни, Верховный Суд США признал вполне конституционным установление в законе наказания в виде смертной казни, что уже в 1977 г. привело к исполнению наказания в виде смертной казни в штате Юта в отношении Гери Гилмора, осужденного за ряд ограблений и два убийства.

В отношении несовершеннолетних Верховным Судом США только в 2005 г. смертная казнь была признана противоречащей клаузуле о недопустимости применения жестоких и необычных наказаний, прописанной в VIII поправке к Конституции США⁹⁰.

---

⁸⁸ *Furman v. Georgia*, 408 U.S. 238 (1972).

⁸⁹ *Gregg v. Georgia*, *Proffitt v. Florida*, *Jurek v. Texas*, *Woodson v. North Carolina* и *Roberts v. Louisiana*, 428 US 153 (1976).

⁹⁰ *Roper v. Simmons* (03-633) 543 U.S. 551 (2005).

Последнее десятилетие XX в. показало несогласие судебной системы с подходом федерального законодателя, при котором федеральное уголовное законодательство распространяется на деяния, ответственность за которые предусмотрена в соответствии с законами штата. Это проявилось в принятии решений, позволяющих штатам осуществлять свою юрисдикцию в отношении преступлений, традиционно относившихся к исключительной юрисдикции федерального уголовного законодательства. В 1995 г. Верховный Суд США в деле *United States v. Lopez*⁹¹ неожиданно опроверг возможность привлечения к уголовной ответственности по федеральному закону в связи с хранением огнестрельного оружия в школьной зоне. Через пять лет со ссылкой на решение по этому делу Верховный Суд США признал неприменимым к преступлениям, охватываемым юрисдикцией штата, федерального закона «О насилии в отношении женщин», за исключением положений о гражданско-правовой защите жертв насильственных преступлений на гендерной почве⁹².

Тем не менее такие решения Верховного Суда США еще не могут означать вывод о значенных преступных деяний из-под федеральной юрисдикции вовсе, так как в этом случае необходимо было бы пересмотреть всю федеральную уголовную политику и в отношении таких преступлений, как угон автомобилей с применением огнестрельного оружия; владение огнестрельным оружием лицами, осужденными за насилие в семье или находящимися под запретительным судебным приказом; хищения значимых произведений искусства; убийство чиновника органов штата, при оказании содействия федеральным правоохранительным органам; неуплату алиментов, компьютерные мошенничества и т. д.

Корректируется судом и подход законодателя к определению преступного деяния. Верховный Суд США нашел расплывчатой формулировку в определении банды по чикагскому Закону о праздновании, а также уголовную ответственность за несвоевременное подчинение сотруднику полиции, «разумно полагающему, что перед ним уличная банда, празднующая в общественном месте»⁹³.

Во многих штатах на законодательном уровне предусматривается усиление наказания в отношении лиц, прочно вставших на преступный путь (привычных преступников). В некоторых штатах США (например, Калифорния) суд обязан выносить приговоры с продленным сроком лишения свободы для лиц, которые два-три и более раз были осуждены за уголовно наказуемые деяния. Продленный срок лишения свободы присоединяется к основному наказанию в виде лишения свободы. В штате Делавэр разд. 21 Свода законов штата целиком посвящен «привычным преступникам».

В целом привычным преступником может быть признано лицо, ранее осужденное за совершение двух или более самостоятельных преступных деяний, относящихся к категории более тяжких (felony). В случае, когда лицо признается привычным преступником, суд может рассматривать деяние, им совершенное, как преступление более тяжелой категории, лицу может быть назначен продленный срок лишения свободы и сокращены возможности для условно-досрочного освобождения.

Претерпевают изменения не только определение преступного деяния, но и система назначения и исполнения наказания. Во многих штатах уголовное законодательство начинает акцентировать свое внимание именно на руководящих принципах назначения наказания. В федеральном законе (разд. 18 СЗ США) это выразилось во введении всеобъемлющей и обязательной системы наказаний. В дальнейшем были приняты Федеральные правила назначения наказания (United States Federal Sentencing Guidelines), которые стали настолько значимым

---

⁹¹ United States v. Lopez, 514 U.S. 549. (1995).

⁹² United States v. Morrison, 529 U.S. (2000).

⁹³ City of Chicago v. Morales, 527 U.S. 41, 119 S. Ct. 1849 (1999).

дополнением к уголовному закону, что на сегодняшний день ни одно решение суда не обходится без учета положений указанных правил.

Дело в том, что на федеральном уровне хотя и предусматривается назначение наказания в рамках, указанных в самом разд. 18 СЗ США, тем не менее разд. 18 предполагает практически неограниченные дискреционные полномочия суда, при этом действие общего права в уголовном законодательстве федерального уровня не признается. В результате столь размытых границ в части назначения наказания федеральное уголовное законодательство фактически начинается и заканчивается руководящими принципами назначения наказания при вынесении приговора. Эти принципы в сочетании с их четкой определенностью превратились в руководство по применению уголовного законодательства. Усиливает позицию руководящих принципов назначения наказания сам федеральный законодатель, постоянно расширяя уголовную ответственность без достаточной регламентации взаимосвязи между ответственностью за совершение уголовно наказуемых деяний и принципами вынесения приговора.

Федеральное уголовное законодательство остается лидером и в создании нормативной базы для регулирования предпринимательской деятельности. Это относится в первую очередь к природоохранной сфере, где наблюдается рост числа лиц, привлеченных на федеральном уровне к уголовной ответственности за экологические преступления, в сфере банковского дела, сельскохозяйственного оборота, производства и реализации алкогольной продукции, искусства и культуры, деятельности корпораций, образования, выборов, страхования, соблюдения норм трудового законодательства, деятельности некоммерческих организаций, здравоохранения и др.

На современном этапе режим уголовно-правового регулирования в сфере предпринимательской деятельности имеет свои особенности:

- многие из таких преступлений предусмотрены не в уголовных кодексах, а закреплены в иных законах, относящихся к конкретному объекту регулирования;

- большинство таких преступлений представляют собой преступления «*malum prohibitum*», т. е. деяния, которые норм морали, как правило, не нарушают (неправильная эксплуатация технических средств, нарушение правил изготовления и реализации товаров и др.), а их противоправность вытекает из позитивного права; они являются преступлениями в силу установленных государством запретов⁹⁴. Поэтому в американском законодательстве они вполне могут выступать преступлениями абсолютной (строгой) ответственности, т. е. они не требуют установления наличия какой-либо формы вины (*mens rea*) для привлечения к уголовной ответственности;

- распространение замещающей ответственности, в том числе и на абсолютную ответственность, т. е. уголовная ответственность может быть основана исключительно на связях с другим физическим или юридическим лицом, совершившим противоправное деяние;

- расширение субсидиарной корпоративной ответственности не только на руководителей за собственные действия, но и за деяния подчиненных, наряду, однако, с уголовной ответственностью самого юридического лица;

- законодательное закрепление нормативного материала носит хаотичный характер, особенно на уровне штатов. Уголовно наказуемые деяния могут содержаться не только в законах, не включенных в кодексы, но и в подзаконных нормативных актах, изданных исполнительной властью (департамент транспорта, департамент исправительных учреждений, департамент экономического развития, департамент образования, комиссия по проведению выборов, департамент по охране окружающей среды и др.).

---

⁹⁴ См.: Уголовное право зарубежных государств. Общая часть / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2001. С. 126.

Тенденцию к расширению имеют и преступления на почве дискриминации и ненависти, являясь, по сути, квалифицирующим признаком уже существующих преступлений, но на сегодняшний день представляющие собой отдельные преступления по законодательству США⁹⁵.

Нельзя не отметить эволюцию отправных точек наказуемости деяния – элементов состава преступления. В абсолютном большинстве случаев их три:

- 1) противоправное деяние (*actus reus*);
- 2) психическое отношение к содеянному (*mens rea*)⁹⁶;
- 3) причинная связь между деянием и наступившими общественно-опасными последствиями.

При этом причинную связь между *actus reus* и *mens rea* необходимо доказывать только в тех случаях, когда преступление подразумевает наступление материальных последствий. В случае совершения преступления строгой ответственности обвинению вообще достаточно доказать только один элемент состава – *actus reus*, а наказание назначается вне зависимости от наличия в действиях виновного *mens rea*⁹⁷. В основном к преступлениям строгой ответственности относятся владение запрещенными веществами, изнасилование или случаи, когда строгая ответственность прямо предусмотрена в законе. Однако не все так просто, на сегодняшний день в уголовном праве США *mens rea*, которое возникает в момент совершения преступления строгой ответственности, классифицируется как одно из пяти психических состояний, позволяющих назначать наказание; остальные четыре – это «сознательно», «преднамеренно», «преступное легкомыслие» и «преступная небрежность».

Вместе с тем, как разъяснил Верховный Суд США, даже при наличии требования о доказывании *mens rea*, однако при отсутствии в законе его четкого определения суд самостоятельно определяет то психическое отношение деятеля к содеянному, которое должно отличать виновное поведение от невиновного⁹⁸.

В Примерном УК определение абсолютной ответственности дается в § 2.05:

(1) Требования о доказывании *mens rea*, предписанные в § 2.01 и 2.02, не применяются к посягательствам:

(a) образующим правонарушение, если затронутое требование не включено в дефиницию правонарушения или суд не решит, что его применение согласуется с эффективным применением закона, определяющего правонарушение; или

(b) определенным не в кодексе, а иным законом, из которого с очевидностью следует законодательная цель в установлении абсолютной ответственности за такое правонарушение или в отношении любого из его элементов.

(2) Несмотря на любое другое положение действующего права и если последующий закон не предусматривает иного, то:

(a) когда применяется абсолютная ответственность относительно любого элемента правонарушения, определенного не кодексом, а иным законом, и осуждение основывается на такой ответственности, посягательство образует нарушение (*violations*); и

(b) хотя абсолютная ответственность используется в законе относительно одного или большего числа элементов правонарушения, определенного не кодексом, а иным законом, виновное совершение правонарушения может быть вменено и доказано, в таком случае

---

⁹⁵ См. об этом подробнее: Власов И.С., Голованова Н.А., Артемов В.Ю. и др. Уголовное законодательство зарубежных стран в борьбе с экстремизмом: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. И.С. Власов. М.: ИЗИСП; КОНТРАКТ, 2014.

⁹⁶ Подробнее о *mens rea* см.: Никифоров Б.С. Учение о виновности в английском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук // Институт права Академии наук СССР. М., 1945; Есаков Г.А. *Mens rea* в уголовном праве Соединенных Штатов Америки. СПб., 2003; Кубанцев С.П. Невменяемость в уголовном праве США и права человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

⁹⁷ См. подробнее: Козочкин И.Д. Строгая ответственность по уголовному праву Англии и США // Правоведение. 2000. № 1. С. 136–149.

⁹⁸ *Elonis v. United States*, 575 U.S. (2015).

небрежность по отношению к таким элементам образует достаточную виновность, а классификация правонарушения и приговор, выносимый за него по осуждению, определяются § 1.04 и ст. 6 Примерного УК.

Таким образом, составители Примерного УК не стали затрагивать теоретическое обоснование института абсолютной ответственности, но сочли возможным смягчить ее применение до приемлемого уровня. Получается, что в иных законах абсолютная ответственность может применяться только по отношению к незначительным правонарушениям, однако в уголовных кодексах таковая может предусматриваться за любое из преступлений, исходя из «необходимости» установления всех элементов преступления, когда вменение *mens rea* происходит только на основании факта совершения лицом деяния, очевидно опасного для жизни человека (например, § 1.12 (5), 5.06 (2), 210.2 (1), 223.6 (2) Примерного УК).

При этом у подсудимого остается возможность опровергнуть презюмируемый элемент(ы) преступления путем превосходства доказательств обратного, а у присяжных всегда остается возможность не следовать концепции абсолютной ответственности при решении вопроса о виновности. Но последнее, например, в условиях совершения насильственной фелонии представляется наименее вероятным.

Вместе с тем как законодатель, так и суды в США придерживаются позиции о недопустимости назначения наказания лицу только в связи с его статусом. Как пояснил Верховный Суд США в деле *Robinson v. California*⁹⁹, любой закон, устанавливающий уголовную ответственность только из-за статуса человека, нарушает VIII и XIV поправки к Конституции США как жестокое и необычное наказание. Например, ответственность за бродяжничество не может быть установлена в законе, так как «бездомность» – это признак статуса человека, что не освобождает такое лицо от ответственности за иные преступления.

В американском уголовном праве преступления исторически делились на три категории: фелония (тяжкое), мисдиминор (менее тяжкое) и тризн (государственная измена). Однако на сегодняшний день ситуация поменялась, тризн теперь рассматривается как отдельный вид преступлений, зато добавились две другие категории: предпринятые преступления и преступления строгой ответственности.

Про преступления строгой ответственности упоминалось выше, а предпринятое преступление по своей юридической природе и с точки зрения юриста континентальной системы права – это покушение на совершение преступления, т. е. совершение значимого действия, направленного на совершение преступления. В основном это сговор на совершение преступления, подстрекательство, попытка совершения преступления. Предполагаемое преступление признается в данном случае «целевым». При этом обвинение в целевом преступлении исключает возможность привлечения к уголовной ответственности за попытку его совершения или подстрекательство. Однако по американскому уголовному законодательству вполне допустимо самостоятельное обвинение в совершении целевого преступления и самостоятельное обвинение в сговоре на его совершение.

Необходимо отметить и различие подходов к назначению наказания. В США существуют два вида обвинительных приговоров к лишению свободы – определенный и неопределенный. В случае вынесения определенного приговора четко фиксированные максимальный и минимальный сроки устанавливаются судом в пределах сроков, предусмотренных в законе. Например, в штате Калифорния используется система определенных приговоров, при которой судья может лишь скорректировать с учетом отягчающих или смягчающих обстоятельств предусмотренное законом наказание в довольно узких пределах.

С неопределенными приговорами ситуация несколько иная. Они применяются как мера некарательного воздействия, которая направлена не столько на изоляцию преступника от

---

⁹⁹ Robinson v. California, 370 US 660 (1962). В данном деле статусом лица была признана наркотическая зависимость.

общества, сколько на ресоциализацию. На сегодняшний день существует восемь видов неопределенных приговоров, когда:

- 1) судья в установленных законом пределах определяет минимум и максимум подлежащего отбытию срока (срок может быть и таким – не менее 1 года и не более 99 лет);
- 2) минимум и максимум срока заранее установлены законом, судья не в праве уточнять их;
- 3) судья определяет минимальный срок, а максимальный устанавливается в законе;
- 4) судья определяет максимальный срок, а минимальный устанавливается в законе;
- 5) минимальный срок никем не фиксируется, в приговоре указывается максимальный срок, установленный в законе;
- 6) минимальный срок никем не фиксируется, судья определяет максимальный срок в пределах срока, установленного законом;
- 7) минимальный и максимальный сроки лишения свободы определяются не судьей, а жюри присяжных в пределах сроков, предусмотренных в законе;
- 8) конкретный срок устанавливается административным органом по надзору за осужденными в пределах границ, определенных законом¹⁰⁰.

Таким образом, уголовное законодательство США и способы его реализации прошли долгий и самобытный путь развития до современного их состояния, однако и на сегодняшний день эта отрасль права остается восприимчивой к изменяющимся потребностям и условиям существования общества. При этом как федеральное уголовное законодательство, так и законодательство штатов может взять на себя лидирующую роль в создании новых составов преступлений, которые призваны бороться с преступностью в новых условиях развивающихся технологий.

---

¹⁰⁰ См.: Кубанцев С.П. Основные виды наказания в уголовном праве США // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 120–131.

§ 2. Государства, принадлежащие к континентальной правовой семье

Германия. Центральное место в германском уголовном праве с конца XIX в. занимает Уголовный кодекс 1871 г. (Германское уголовное уложение – *Strafgesetzbuch*). В его основу было положено прусское Уголовное уложение 1851 г., а также баварский Уголовный кодекс 1813 г., каждый из которых, в свою очередь, испытал на себе сильное влияние французского УК 1810 г. УК Германии 1871 г. закреплял в своих нормах сложившееся к тому времени в Европе понимание законности как в судебном производстве, так и в работе административных органов, тщательно и подробно регламентируя институты Общей и Особенной части уголовного права. В частности, этот Кодекс закрепил принцип, в силу которого уголовному наказанию подлежали только деяния, прямо и недвусмысленно запрещенные законом в качестве преступления на момент их совершения.

В зависимости от тяжести наказаний, грозивших за совершение уголовно наказуемых деяний, последние подразделялись на преступления (*Verbrechen*), уголовные проступки (*Vergehen*) и нарушения (*Verfehlung*). Предусмотренная этим УК система наказаний включала в себя смертную казнь, различные виды лишения свободы (тюремное заключение, заключение в крепости, арест), штраф, конфискацию имущества и поражение в правах. Специально стоит отметить, что применение телесных наказаний, допускавшееся в тот момент законами некоторых из объединившихся в Германскую империю государств, Уголовным кодексом 1871 г. не допускалось. Зато смертная казнь, которая к моменту принятия данного УК была уже отменена в ряде германских земель, в частности в королевстве Саксония, заново была восстановлена как мера наказания на территории всех германских земель, поскольку эту меру предусмотрел федеральный УК Германии (причем смертный приговор приводился тогда в исполнение путем отсечения головы).

На протяжении всего времени, истекшего с начала своего действия, УК Германии 1871 г. многократно подвергался изменениям, носившим в основном частный характер. Изменения, внесенные в данный УК в период фашистской диктатуры (1933–1945 гг.), как и прочие уголовные законы этого времени, служившие на потребу режима произвола и беззакония в отношении своих граждан и народов захваченных территорий, были по большей части упразднены в силу Потсдамского соглашения держав-победительниц и на основании последующих постановлений Союзного Контрольного Совета, осуществлявшего верховную власть в поверженной Германии. При этом было восстановлено действие ряда норм УК в прежней (до 1933 г.) редакции.

С возникновением Федеративной Республики Германии в 1949 г. постепенно началась подготовка реформы УК в целях адаптации его норм к новым социальным и политическим условиям. Начиная с 1951 г. бундестаг (парламент) приступил к изданию «законов об изменении уголовного права». В первую очередь они касались Уголовного кодекса, но такое название объясняется тем, что УК Германии не охватывает всего круга преступных деяний, нормы об их наказании содержатся и в многочисленных специальных законах. Сегодня их число приближается к пятистам. Некоторые из них являются чисто уголовными, например такие важные акты, как Германский уголовный кодекс международных преступлений (*Völkerstrafgesetzbuch*) от 20 июня 2002 г., содержащий нормы Общей и Особенной частей применительно к самым тяжким преступлениям против человечности (геноцид, создание невыносимых условий жизни и систематическое преследование гражданского населения, его перемещение с постоянного места обитания, применение пыток к захваченным на чужой территории людям и беженцам) и к военным преступлениям международного характера (умерщвление лиц, находящихся под защитой международного права; захват этих лиц в качестве заложников, бесчеловечное обхож-

дение с ними, сексуальное принуждение таких лиц или их изнасилование и т. п. – всего 17 составов преступлений), а равно к военным преступлениям против собственности и иных прав гражданского населения, к военным преступлениям против гуманитарных операций и пренебрежение к гуманитарным эмблемам, приведшее к причинению смерти или телесных повреждений людям; к применению запрещенных методов ведения войны и запрещенных средств ведения войны.

Наряду с этим Кодексом среди специальных уголовных законов следует назвать: Военно-уголовный закон от 24 мая 1974 г., регулирующий в своих 48 параграфах уголовную ответственность офицеров и солдат действительной службы за преступные нарушения воинской обязанности и правил прохождения военной службы; Закон о судах по делам молодежи (*Jugendgerichtsgesetz*), действующий в редакции от 11 декабря 1974 г., где содержатся положения Общей части уголовного права применительно к несовершеннолетним (до 18 лет) и молодым взрослым (до 21 года); Закон об экономических преступлениях 1954 г. (действует в редакции от 3 июня 1975 г.), несколько законов о борьбе с терроризмом (1986, 1998, 2002 гг.), первый и второй законы о борьбе с экологической преступностью (1980, 1994 гг.), Закон о борьбе с коррупцией от 13 августа 1997 г., Закон о борьбе с коррупцией в сфере здравоохранения от 30 мая 2016 г.

Отметим также, что после отмены античеловеческих уголовных установлений фашистской Германии, нашедших отражение в правовых нормах того времени, самые существенные изменения в Общую часть уголовного права были внесены в 1960-е гг. В 1954 г. бундестагом была создана комиссия по подготовке «большой реформы» уголовного законодательства Германии, но на практике деятельность этой комиссии ограничилась внесением серьезных изменений только в нормы Общей части УК. Основная новация при этом состояла в отказе от прежней трехчленной классификации преступных деяний: отныне вводилась их двучленная классификация на преступления (за которые грозило наказание в виде лишения свободы на срок от одного года и выше) и уголовные проступки (за которые по закону грозило лишение свободы на срок до одного года или штраф). Остальные деяния (так называемые нарушения – *Verfehlungen*) ввиду их меньшей опасности переводились в ранг административных правонарушений и отныне преследовались по специальному закону, который был издан не сразу, а спустя несколько лет – в 1968 г. (Закон о нарушениях порядка – *Gesetz über Ordnungswidrigkeiten*). Основным наказанием за указанные в нем деяния был установлен административный штраф (*Geldbüsse*) в размере от 5 до 1 тыс. евро, «если закон не предусматривает иначе». Особенностью данного закона является также допустимость административной ответственности за такие деяния со стороны юридических лиц и «объединений физических лиц» (§ 30).

Размер административного штрафа (*Geldbüsse*) в этих случаях устанавливается:

- за умышленное совершение деяния, предусмотренного этим законом, – до 1 млн евро;
- за совершение деяния по неосторожности – 500 тыс. евро.

При явной малозначительности деяния, совершенного юридическим лицом, – штраф в максимальном размере, предусмотренный за данное деяние в Законе 1968 г. среди составов деяний, близких по степени социальной опасности к российским так называемым административным правонарушениям, равен¹⁰¹ 1000 евро. В связи с такой «реформой» некоторые наши авторы поспешили объявить, что «в результате проведения реформы с 1 января 1975 г. в ФРГ стал действовать новый Уголовный кодекс, Общая часть которого была создана в 1960-е гг., а Особенную часть составили нормы УК 1871 г., сохранившие прежнюю систему, нумерацию,

---

¹⁰¹ Хотя подлинный характер этих деяний в теории германского уголовного права до конца не определен: относя эти проступки к административным правонарушениям, германские теоретики как на определяющий признак указывают на то, они не имеют криминального содержания, иными словами, определяют сущность через отрицание (см.: Creifelds Rechtswörterbuch. С.Н. Beck.München, 2000. S. 969).

формулировки»¹⁰². На самом деле в Германии никакого «нового» кодекса не существует, но по-прежнему действует УК 1871 г. (в данный момент – в редакции от 13 ноября 1998 г.)¹⁰³.

Далее следует назвать в числе специальных законов Закон об обороте наркотических веществ, действующий в редакции от 1 марта 1994 г., Закон о собраниях и демонстрациях, действующий в редакции от 15 ноября 1978 г., и Закон о дорожном движении, действующий в редакции от 5 марта 2003 г. Разумеется, названы лишь наиболее важные нормативные акты уголовно-правового характера, хотя практически едва ли не каждый второй германский закон содержит уголовно-правовые нормы об ответственности за нарушение его положений.

Возвращаясь к усовершенствованию УК Германии законами «об изменении уголовного права», число которых уже перевалило за двадцать, отметим Вводный закон к УК от 2 марта 1974 г., который ввел новое регулирование Общей части УК.

После этого УК Германии превратился в такой нормативный акт, Общая часть которого составлена в 1960–1970 гг., а Особенная часть состоит преимущественно из норм УК 1871 г., хотя и подвергшихся серьезным изменениям, но сохранивших в основном прежнюю систему, нумерацию и многие формулировки¹⁰⁴. Как на самое значительное изменение системы Особенной части УК укажем на введение в нее в 1994 г. специальной главы о преступлениях против окружающей среды. Из 77 важных новелл преобразованной Общей части наиболее значимой является отказ от введенной в УК 1871 г. трехчленной классификации преступных деяний на преступления, уголовные проступки и нарушения. После издания Вводного закона к УК все преступные деяния (*Straftaten*) делятся только на преступления (*Verbrechen*) (те, за которые грозит лишение свободы на срок до одного года) и уголовные проступки (*Vergehen*) (за которые грозит лишение свободы на срок до одного года или штраф).

Польша. Основополагающие принципы уголовного права установлены Конституцией Польской Республики, в соответствии с которой источником уголовного права может быть только закон. Важно указать и на предусмотренное Конституцией непосредственное действие ратифицированных международных договоров, которые после опубликования в официальном издании *Dziennik Ustaw* становятся частью правопорядка страны и подлежат непосредственному применению. Более того, польский законодатель установил приоритет международного договора, ратифицированного с предварительного согласия, выраженного в законе, перед национальным законом при коллизии положений этих актов (п. 1 и 2 ст. 91).

Отличительными особенностями системы источников польского уголовного права являются две противоречивые черты: множественность кодифицированных законов при декодификации значительного количества преступных деяний.

Наряду с классическими Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами действуют также Уголовно-исполнительный кодекс, Уголовно-финансовый кодекс, Кодекс проступков, а также Кодекс производства по делам о проступках. Подобное количество кодифицированных источников, несомненно, можно отметить как особенность данной отрасли.

При этом в отличие от модели, принятой в некоторых европейских странах (Франции, Швейцарии), а также известной истории польского уголовного права¹⁰⁵, воинские преступления регламентируются не отдельным актом, а являются составной частью Уголовного кодекса.

---

¹⁰² Додонов В.Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть / под ред. С.П. Щербы. М., 2009. С. 1–2.

¹⁰³ См.: *Strafgesetzbuch mit Nebengesetzen*, 47. Auflage. München, 2009, Einführung, S. 16.

¹⁰⁴ См.: Решетников Ф.М., Мулукаева О.Р. Правовые системы стран мира. М., 1993. С. 55.

¹⁰⁵ См.: Makowski W. *Kodeks karny wojskowy z dodaniem ustaw i przepisów wprowadzonych, przechodnich i uzupełniających oraz komentarza*. Warszawa. 1921. Доктринально определены три системы регламентации воинских преступлений: 1) как часть общего уголовного кодекса (современная Польша и др. страны); 2) как отдельный кодифицированный акт (Франция, Швейцария, Польша в период с 1918 до 1970 г.); 3) как несколько законов для отдельных типов войск, оружия и родов войск (Франция в период 1946–1958 гг.).

В систематике польского законодательства нет кодифицированного акта, регламентирующего ответственность несовершеннолетних лиц. Однако если материальные аспекты уголовной ответственности несовершеннолетних регламентированы Уголовным кодексом, то особенности уголовного производства стали предметом Закона «О производстве по делам несовершеннолетних» от 26 октября 1982 г.¹⁰⁶

Все три кодифицированных источника польского материального уголовного права содержат Общую и Особенную части. Однако структурное сходство этим ограничивается. Только Уголовный кодекс – УК (Kodeks Karny), принятый 6 июня 1997 г. (в ред. 2018 г.)¹⁰⁷, как отмечалось, имеет третью часть, посвященную особенностям преступлений и наказаний военнослужащих.

Уголовно-финансовый кодекс – УФК (Kodeks Karny Skarbowy), принятый 10 сентября 1999 г. (в ред. 2018 г.)¹⁰⁸, отличается универсальный, комплексный характер. Наряду с Общей частью и Особенной частью он регламентирует процедуру рассмотрения финансовых преступлений (и проступков), а также порядок исполнительного производства.

Основной источник польского материального уголовного права – УК не содержит, как отмечалось ранее, исчерпывающего перечня преступлений. Помимо него источниками уголовного права являются многочисленные отраслевые законы, не инкорпорированные в УК. В таких актах устанавливается как административная, имущественная, так и уголовная ответственность за нарушение их предписаний.

Сложно переоценить роль некодифицированного законодательства в развитии польского уголовного права. Именно благодаря ему удастся достичь адекватной и своевременной реакции на появление новых технологичных вызовов, а также актуализировать правовую основу для борьбы с противоправным поведением.

В числе некодифицированных источников уголовного права Польши достаточно четко прослеживаются две группы законов. В первую входят отраслевые законы, основным предметом и целью регламентации которых является определенная сфера общественных отношений. Такие законы, к примеру, устанавливают комплексно либо точно правовые аспекты экономических отношений, формирования системы государственных органов, системы безопасности и правопорядка, здравоохранения, образования, государственной службы, охраны окружающей среды и т. д.

В рассматриваемом аспекте их объединяет наличие в качестве меры ответственности за нарушение установленных ими предписаний наказаний в виде уголовных санкций.

В качестве примера можно использовать положения Закона «О генно-модифицированных организмах и микроорганизмах (ГМО)» от 22 июня 2001 г.¹⁰⁹ Наряду с административной и имущественной ответственностью в отдельной главе Закона «Правила привлечения к ответственности» предусмотрены и уголовные наказания. Диапазон срока лишения свободы за нарушение установленных правил работы с ГМО составляет в зависимости от наступивших последствий от 2 до 12 лет (ст. 58–60).

Во вторую группу некодифицированных источников уголовного права можно включить законы, непосредственно развивающие положения УК и УФК об отдельных видах противоправного поведения. Усиление именно этого блока происходит максимально эффективно и явно может служить аргументом в пользу усиления элемента криминализации польского уголовного права.

---

¹⁰⁶ Dziennik Ustaw. 2018. Poz. 969.

¹⁰⁷ Dziennik Ustaw. 2018. Poz. 1600.

¹⁰⁸ Dziennik Ustaw. 2018. Poz. 1958.

¹⁰⁹ Dziennik Ustaw. 2018. Poz. 2114.

Наиболее значимыми и характерными для этой группы можно назвать законы: «О противодействии наркомании» от 29 июля 2005 г.¹¹⁰, «О противодействии насилию в семье» от 29 июля 2005 г.¹¹¹, «О воспитании в духе трезвости и противодействии алкоголизму» от 26 октября 1982 г.¹¹², «О противодействии угрозам сексуальной преступности» от 13 мая 2016 г.¹¹³, «Об антитеррористических действиях» от 10 июня 2016 г.¹¹⁴, «О борьбе с допингом в спорте» от 21 апреля 2017 г.¹¹⁵, «О противодействии отмыванию денег, а также финансированию терроризма» от 1 марта 2018 г.¹¹⁶

Возможность подобной «декодификации» уголовной ответственности предусмотрена Правилами законодательной техники, утвержденными Председателем Совета Министров 20 июня 2002 г.¹¹⁷ Наличие предписаний о наказании допустимо только в случае, если нарушения конкретного закона не квалифицируются как нарушения положений Уголовного кодекса, Уголовно-финансового кодекса или Кодекса проступков, а само деяние связано только с содержанием данного закона.

В тексте самого УК также помещены предписания о соотношении положений его Общей части о наказаниях и уголовной ответственности, предусмотренной в иных законах (ст. 116). Так же как и в большинстве стран с неполной кодификацией уголовного законодательства, в Польше положения Общей части УК распространяются на все иные уголовные законы, если ими не оговорено иное. Такое правило позволяет УК оставаться своеобразным стержнем всей системы польского уголовного законодательства.

Динамика развития и совершенствования источников польского уголовного права очевидна. После принятия УК в 1997 г. и до 2015 г. его положения изменялись 63 раза. При этом не столь показательны количественные данные, значительно меняется содержательная сфера и расширяется предмет регулирования уголовного права. Ряд новелл УК обрели уровень подлинно фундаментальных реформ¹¹⁸.

Наиболее отчетливо направление развития польской уголовной политики и уголовного законодательства можно проследить на примере трех последовательных реформ, проведенных в 2015 г., 2017 г. и грядущей реформы 2018 г. – 2020 г., основы которой определены стратегическими документами, принятыми в апреле 2018 г. и уже получающими отражение в реальных законопроектах¹¹⁹.

Одной из наиболее значимых из проведенных в последние годы признается *реформа УК от 20 февраля 2015 г.* Доктринально ее подчас именуют «реформа, изменившая философию наказания»¹²⁰. Естественно, подобный уровень «вторжения» в уголовно-правовое пространство не мог не иметь оппонентов.

Изменения, внесенные в УК в 2015 г.¹²¹, еще на стадии их разработки стали предметом активного резонансного обсуждения, в ходе которого стало очевидным отсутствие в

---

¹¹⁰ Dziennik Ustaw. 2019. Poz. 852.

¹¹¹ Dziennik Ustaw. 2015. Poz. 1390.

¹¹² Dziennik Ustaw. 2018. Poz. 2137.

¹¹³ Dziennik Ustaw. 2018. Poz. 405.

¹¹⁴ Dziennik Ustaw. 2019. Poz. 796.

¹¹⁵ Dziennik Ustaw. 2017. Poz. 1051.

¹¹⁶ Dziennik Ustaw. 2019. Poz. 1115.

¹¹⁷ Dziennik Ustaw. 2016. Poz. 283.

¹¹⁸ См.: Hryniewicz-Lach. Nowelizacja prawa karnego jako stała tendencja w polskiej polityce karnej; Platek M. Granice racjonalnej polityki karnej. Państwo i Prawo. 2006. Nr. 9. S. 29.

¹¹⁹ Так, на сайте Министерства юстиции 25 января 2019 г. опубликован проект Закона о внесении изменений в УК и ряд иных законов. URL: <https://www.ms.gov.pl/pl/informacje/news14535>.

¹²⁰ Kala D., Zgolinski I. Reforma prawa karnego materialnego i procesowego z 2015 roku. Wybrane zagadnienia. Wolter Kluwer. Warszawa, 2015.

¹²¹ Dziennik Ustaw. 2015. Poz. 396.

среде польских правоведов и представителей правоохранительной системы единого понимания фундаментальных проблем современного польского уголовного законодательства. Следствием этого явились и определенные противоречия в оценке избранных законодателем решений.

Необходимость подобных изменений в уголовном законодательстве была продиктована обязательствами Польши как члена Европейского Союза и Совета Европы. Подготовленный Министерством юстиции проект изменений УК представлял исполнение семи обязательств, возникающих у Польши по имплементации некоторых поручений Комитета MONEYVAL и Директивы ЕС о финансировании терроризма и отмывании денег¹²².

Фундаментальные изменения УК были продиктованы в том числе и не вполне адекватной ситуацией, сложившейся к 2014 г. В Польше наблюдалось постепенное и последовательное снижение уровня преступности и улучшение этого показателя на фоне ряда европейских государств, однако страна возглавляла рейтинг по количеству лиц, находящихся в местах лишения свободы. На 100 тыс. жителей в Польше 217 отбывали наказание в тюрьмах, что значительно больше, чем в иных европейских государствах.

Принципиальные изменения в уголовной политике, по мнению, например, представителей Кодификационной комиссии уголовного права Министерства юстиции, не должны иметь столь прагматичный характер. В указанный период целью могло быть системное реформирование всего УК, проведенное на основании актуальных доктринальных разработок и анализа судебной практики. В этом случае в рамках такого подхода приоритет состоит в рационализации основных положений всего УК, определяющих уголовно-правовую реакцию, прежде всего, в сфере реального восстановления приоритета наказаний, не связанных с лишением свободы, и усиления принципа *ultima ratio* в отношении наказания в виде лишения свободы. При таком подходе изменения УК, проведенные в феврале 2015 г., оцениваются как ограниченные, прагматичные, носящие инструментальный характер¹²³.

Реформа 2015 г. предоставила судам и органам прокуратуры более широкий набор инструментов, позволяющих назначать наказание с большей степенью учета социальной опасности конкретного виновного лица и его «криминологического прогноза»¹²⁴. Самые существенные изменения внесены в структуру назначаемых наказаний. Установлены ограничения при назначении наказания в виде лишения свободы с условной отсрочкой исполнения (условный приговор).

По статистике условный приговор выносился польскими судами почти в 60 % судебных решений¹²⁵. Подобный подход лишает веры в неотвратимость реального наказания и уничтожает воспитательную функцию правосудия. По статистике Министерства юстиции, суды неоднократно выносили приговоры с отложенным исполнением даже в отношении рецидивистов. Некоторые из них уже имели до 33 аналогичных судебных решений за один и тот же вид преступления – например, кражи, совершенные в различных воеводствах¹²⁶. Изменить подобную ситуацию возможно лишь более широким применением таких мер, не связанных с лишением свободы, как штрафы либо ограничение свободы.

Для осужденного подобный подход может иметь более ощутимый эффект, чем отложенное «иллюзорное» наказание. К тому же реальные штрафы и ограничение свободы одновременно будут более адекватной реакцией на совершенное преступление, чем отложенное наказание.

---

¹²² См.: Dwa lata wiezienia za finansowanie terroryzmu? Polska wprowadza nowe kary. Gazeta Prawna, 2015.

¹²³ См.: Zawlocki R. Reforma karna pozbawienia wolnosci z warunkowym zawieszeniem jej wykonania z perspektywy Komisji Kodyfikacyjnej Prawa Karnego. S. 21 i nast.

¹²⁴ См.: Zrodlo: Kancelaria Prezesa Pady Ministrow. Infor. Pl. KPM. Gov. Pl. 10–05. 2014.

¹²⁵ См.: Zmiany w Kodeksie Karnym. Czesciej grywny, rzadziej wiezienie. PAP, 16 stycznia 2015. URL: <https://www.tvn24.pl/wiadomosci-z-kraju.3/sejm-uchwalil-nowele-kodeksu-karnego-zmieniajaca-filozofie-karana,506459.html>

¹²⁶ См.: Wielka nowelizacja kodeksu karnego przyjeta przez rzad. Tvn 24. 2014.

На изменение сложившейся ситуации было направлено и введение запрета на применение условного приговора в отношении особо тяжких преступлений, таких как насилие, разбой. Максимальный срок отложенного наказания сокращен с двух лет до одного года.

Новой категорией стала и категория «смешанные» наказания. Суд может принять решение о реальном лишении свободы на срок не более шести месяцев, а после этого установить режим ограничения свободы на срок не более двух лет.

Система уголовных мер также претерпела в 2015 г. определенные изменения. Совершение таких мер, а также обеспечительных мер отражает получившую распространение тенденцию «к дуализму системы уголовно-правовых санкций, включающей в себя меры наказания в собственном смысле слова и так называемые меры безопасности»¹²⁷.

В УК появились новые запреты, в их числе: запрет на пребывание в определенных местах и на контакт с определенными лицами; на посещение массовых мероприятий; на посещение игровых залов и участие в азартных играх; временный запрет на нахождение в одном помещении с пострадавшим; на деятельность, связанную с воспитанием, лечением, обучением малолетних, либо на опеку таких лиц.

Новые ограничительные средства предусмотрены для преступников с сексуальными отклонениями и ограниченной вменяемостью. При этом детально регламентирован регламент применения этих мер¹²⁸.

В результате изменения систематики самого УК ряд уголовных мер были помещены в новую гл. V-а «Конфискация и средства компенсации».

Новая редакция УК позволяет суду выбирать из шести возможных ограничительных мер. К ним отнесены: надзор куратора или полиции, электронный надзор в месте нахождения, терапия и терапия от зависимости, а также помещение в психиатрическую клинику, если суд сочтет, что это предотвратит совершение нового преступления.

Каталог мер, не связанных с лишением свободы, позволяет изменить структуру назначаемых наказаний так, чтобы в отношении мелких преступлений суд назначал наказания в виде штрафа либо ограничения свободы. При этом эффективности штрафных санкций должен способствовать создаваемый Реестр должников.

В отношении преступлений средней тяжести стало возможным применение мер, не связанных с лишением свободы, изоляцией либо смешанных форм наказания¹²⁹.

В обосновании к законопроекту об изменении УК 2015 г. отмечалось, что наказание в виде лишения свободы «должно быть сохранено для виновных в совершении особо тяжких преступлений либо для преступников, которым не угрожает исправление»¹³⁰. В отношении рецидивных преступников и виновных в серьезных преступлениях было предусмотрено ужесточение наказания. Установлен новый срок лишения свободы – 20 лет, наряду с уже существовавшим сроком в 25 лет, а также пожизненным заключением.

В то же время появилась возможность исполнения наказания в виде ограничения свободы с применением системы электронного надзора (System dozoru elektronicznego). Впервые в польском законодательстве система электронного надзора как метод отслеживания поведения осужденного появилась в 2009 г., после вступления в силу принятого 7 сентября 2007 г.

---

¹²⁷ См.: Трикоз Е.Н. Систематизация уголовного права зарубежных стран в XX веке. С. 4. (автору – указать год, город)

¹²⁸ См.: Szeleszczuk D. Środki karne w świetle nowelizacji Kodeksu karnego z dnia 20 lutego 2015 r. *Studia Prawnicze Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II*. 2015. Nr. 4 (64). S. 75.

¹²⁹ См.: Giezek J. O sankcjach alternatywnych oraz możliwości wyboru rodzaju wymierzonej kary. *Palestra*. 2015. Nr. 7–8. S. 25–36.

¹³⁰ См.: Uzasadnienie do Projektu ustawy o zmianie Ustawy Kodeks karny oraz niektórych innych ustaw. Druk Sejmowy. 2015. Nr. 1186. S.

Закона «Об исполнении наказания в виде лишения свободы вне пределов пенитенциарного учреждения в системе электронного надзора»¹³¹.

В ходе реформы 2015 г. этот закон отменили, а соответствующие положения были внесены в УК (§ 1 п. 1 ст. 93). Детальная регламентация правил назначения и отмены режима электронного надзора стали предметом нового раздела УИК (VIIa).

При назначении наказания в виде лишения свободы на срок до 2 лет после отбытия определенной его части (не более 3 месяцев) появилась возможность оставшуюся часть срока отбыть с применением средств электронного надзора вне места заключения. Предусмотрено смягчение уголовной ответственности за подстрекательство либо пособничество до размера, не превышающего 2/3 высшей границы наказания за совершенное деяние. Правило не распространяется при получении подстрекателем выгоды либо личной корысти взамен за совершение запрещенного деяния. Расширена возможность условного прекращения уголовного производства в отношении преступлений, наказание за которые – не более 5 лет лишения свободы (до этого – до 3 лет).

Важнейшим результатом можно назвать уже упомянутое появление в УК новой главы (гл. V-a), предусмотренное Законом от 20 февраля 2015 г. Изменение систематики УК за счет регламентации правовых рамок конфискации в отдельной главе доктринально признается новым и важным элементом. Такое решение законодателя свидетельствует, что с момента вступления изменений в силу конфискация уже не рассматривается в качестве ни уголовного наказания, ни уголовной меры. Конфискация приобретает характер своеобразного (особого) средства уголовного права, обладающего как репрессивным, так и превентивным свойством¹³².

Реформа УК 2015 г. ввела правило «совокупности наказаний» (ст. 85 УК)¹³³. При совершении двух и более преступных деяний виновный получает в итоге наивысшее (что на практике бывает далеко не всегда) из предусмотренных для одного из них наказание, а остальные преступления остаются фактически безнаказанными. Судебная статистика не оставляет сомнений в том, что суды применяют высшие из предусмотренных УК наказаний в среднем в 30 % дел. В 2017 г. районные и окружные суды Польши вынесли в общей сложности почти 45 тыс. таких совокупных приговоров (*wyrokow łącznych*)¹³⁴.

Практика применения подобного механизма назначения наказаний подтвердила явный просчет законодателя. Наиболее опасная для общества категория рецидивных преступников, имеющих в своем досье множество противоправных деяний, по существу отвечает перед законом лишь за одно их наиболее сурово наказуемых эпизодов. А остальные остаются без надлежащей оценки.

Как пояснил Министр юстиции и Генеральный прокурор Республики Збигнев Зюбро (Zbigniew Ziubro), такой подход означает, что на практике бандит, вымогавший деньги с применением насилия, избиения и разбоя с использованием огнестрельного оружия, а также скрывавший краденое, замешанный в мошенничестве и состоявший в организованной преступной группе, получал в результате бонусного совокупного приговора Окружного суда города Люблина 15 лет лишения свободы. При этом через 11 лет он сможет выйти на свободу в результате условно-досрочного освобождения. Если же были бы объединены наказания за каждое из этих преступлений, срок его заключения был бы равен 61 году¹³⁵.

---

¹³¹ См.: Dziennik Ustaw. 2007. Nr. 191. Poz. 1366.

¹³² См.: Uzasadnienie do projektu ustawy o zmianie Ustawy Kodeks karny i innych ustaw // Druk Sejmowy. 2017. Nr. 1186. S. 4.

¹³³ См.: Galazka M. Kara łączna po nowelizacji Kodeksa karnego z 20 lutego 2015 r. *Studia Prawnicze Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego Jana Pawła II*. Nr 4 (64). 2015. S. 32–56.

¹³⁴ См.: Zasłużona kara dla przestępców – przełomowe zmiany w Kodeksie karnym // Biuro Komunikacji I Promocji Ministerstwo Sprawiedliwości. 2018-07-24. URL: <https://www.ms.gov.pl/pl/informacje/news,11428.zasluzona-kara-dla-przestepcow-przelomowe.html>.

¹³⁵ См.: Zasłużona kara dla przestępców – przełomowe zmiany w Kodeksie karnym // Biuro Komunikacji I

И подобная ситуация не является чем-то исключительным. Позволим привести еще два примера. В 2016 г. в районном суде города Яшле рецидивист, совершивший более 10 мошеннических афер, а также иных противоправных действий (похищения, угрозы), был приговорен всего лишь к четырем годам заключения. При ином исчислении общая сумма наказаний за каждое из совершенных преступлений была бы равна 13 годам и семи месяцам.

В 2018 г. районный суд города Жешува приговорил виновного в совершении 11 преступных деяний, связанных с оборотом наркотиков, к одному году лишения свободы. При отсутствии правила объединения наказаний такому лицу грозило бы по меньшей мере шесть с половиной лет тюремного заключения.

Не менее «плодотворным» с точки зрения новаций для польского уголовного права стал и 2017 г., в течение которого в УК восемь раз вносились изменения. Важнейшим результатом можно назвать появление в главе «Конфискация и средства компенсации» института расширенной конфискации.

В последние годы государства – члены Европейского Союза и европейские учреждения объединили усилия в борьбе с незаконным обогащением. Для единообразия законодательных норм Европейский парламент принял в 2014 г. Директиву, предусматривающую принятие странами Сообщества процедуры расширенной конфискации в случаях, когда стоимость имущества осужденного лица не может быть обоснована его легальными доходами.

Директива предусматривает возможность конфискации имущества третьих лиц в случаях, когда фактические владельцы неправомерно приобретенного имущества регистрируют свои банковские счета и материальные ценности на других людей. Крайним сроком адаптации Директивы о замораживании и конфискации средств совершения преступления и доходов от преступной деятельности в Европейском Союзе был установлен 2016 г.

Внесение, хотя и с определенным опозданием, соответствующих изменений в польский УК (в марте 2017 г.) и стало имплементацией Директивы Европейского парламента и Совета 2014/42UE от 3 апреля 2014 г. «По вопросу обеспечения и конфискации инструментов, служащих совершению преступления, и полученной от преступления выгоды в Европейском Союзе». В результате появилась новая для польского права уголовно-правовая мера – «расширенная конфискация» (*konfiskacja rozszerzona*)¹³⁶.

Изменения, внесенные в УК Законом от 23 марта 2017 г.¹³⁷, закрепили еще один состав, допускающий конфискацию. Если собранные доказательства свидетельствуют, что в случае наказания была бы проведена конфискация, суд может принять такое решение без вынесения обвинительного приговора. Такой механизм может быть применен судом в случае смерти подозреваемого, прекращения производства, если преступление не раскрыто, а также при завершении производства по делу ввиду невозможности определить виновного, либо если он не может участвовать в процессе из-за психической либо иной тяжелой болезни. Таким образом, появляется возможность конфискации имущества без вынесения обвинительного приговора (§ 2 ст. 45a).

Отметим, что допустимость конфискации имущества без вынесения обвинительного приговора была предметом рассмотрения Европейского Суда по правам человека в Страсбурге. Суд подтвердил возможность применения такого решения в уголовном праве при рассмотрении вопросов расширенной конфискации. Подобный механизм конфискации достаточно широко применяется на европейском правовом пространстве. Конфискация без

Promocji Ministerstwo Sprawiedliwosci. 2018-07-24. URL: <https://www.ms.gov.pl/pl/informacje/news,11428.zasluzona-kara-dla-przestepcow-przelomowe.html>.

¹³⁶ Подробнее об институте конфискации в зарубежном уголовном праве см.: Правовые средства противодействия коррупции / отв. ред. Н.А. Власенко; ИЗиСП. М., 2012. С. 226–232; Власов И.С., Голованова Н.А., Меньших А.А. и др. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом. С. 403–431.

¹³⁷ Dziennik Ustaw. 2017. Poz. 768.

обвинительного приговора применяется в Австрии, Болгарии, Чехии, Дании, Финляндии Ирландии, Португалии, Словении, Литве, Латвии, Венгрии. В масштабах Европейского Союза 40 % полученных от совершения преступлений средств являются результатом конфискации без обвинительного приговора и только 13 % – следствие классической конфискации¹³⁸.

Новым для польского УК является и обязанность осужденного доказать легальность происхождения принадлежащего ему имущества и иных имущественных прав за последние пять лет, предшествовавших совершению преступления (§ 2 ст. 45). Бремя доказательства легальности происхождения имущества, которому угрожает конфискация, возложено на обвиняемого. Таким образом, польское уголовное право восприняло получившую широкое распространение в последние годы процедуру гражданской конфискации в уголовном процессе¹³⁹.

Процедура гражданской конфискации применяется при наличии следующих квалифицирующих признаков:

- совершение преступления принесло (либо могло принести) хотя бы косвенную имущественную выгоду значительного размера;
- наказанием за совершенное преступление является лишение свободы на срок не менее 5 лет;
- преступление совершено в составе организованной группы.

---

¹³⁸ См.: *Konfiskata rozszerzona – trzeba udowodnic legalnosc pochodzenia mienia*. URL: <https://e-prawnik.pl/informacje/konfiskata-rozszerzona.html>.

¹³⁹ Об институте гражданской конфискации см.: Власов И.С., Голованова Н.А., Меньших А.А. и др. Уголовно-правовые меры по противодействию коррупции за рубежом. С. 404–431.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.